ИСТОРИЯ АМЕРИКАНИСТИКИ

УДК 82-991 ББК 83.3 (7)

Сергей ПАНОВ Ольга ПАНОВА

«ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» В СОВЕТСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Аннотация: Статья посвящена первой в СССР / России академической «Истории американской литературы» (1947; авторы – ученые ИМЛИ А.И. Старцев, А.А. Елистратова, Т.И. Сильман), изначально задуманной как часть масштабного научного проекта всемирной истории литературы, начало которому было положено во второй половине 1930-х гг. В.М. Жирмунским и коллективом «западников» ленинградского Института литературы (ИЛИ) и И.К. Лупполом в ИМЛИ. Работа над первым томом началась в 1941 г. и велась в Ташкенте, в условиях эвакуации. В 1945 г. первый том был одобрен ИМЛИ; шла работа над вторым томом. Однако к моменту выхода из печати первого тома (май 1947 г.) в СССР и жизни советской науки произошли существенные изменения. Союзнические отношения с США сменились холодной войной. После появления в газете Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь» (№ 26, 21сентября 1947 г.) разгромной рецензии А.М. Лейтеса, труд был обсужден и заклеймен в ИМЛИ как несоответствующий принципам советской науки. Второй том не был издан, а вышедший первый выпал из референтного круга отечественной американистики. Разгром «американского тома» знаменовал окончательный отказ от осуществления начатого в середине 1930-х гг. проекта истории всемирной литературы (который был возобновлен в ИМЛИ на новых основаниях только в начале 1960-х гг.) и замораживание всех работ по изучению западных литератур вплоть до второй половины 1950-х гг. Исследование выполнено на основе архивных документов из фондов Архива Российской Академии наук (АРАН).

Ключевые слова: история науки, «История американской литературы» (1947), Академия наук СССР, А.И. Старцев, В.М. Жирмунский, сталинизм, архивные документы.

© 2016 Сергей Игоревич Панов (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва; ст. научный сотрудник, кандидат филол. наук) sergeipanov@mail.ru

© 2016 Ольга Юрьевна Панова (Московской государственный университет им. М.В. Ломоносова; профессор; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ст. научный сотрудник, доктор филол. наук) literatura.da@gmail.com

HISTORY OF AMERICAN LITERARY STUDIES

UDC 82-991 ББК 83.3 (7)

Sergei PANOV Olga PANOVA

HISTORY OF AMERICAN LITERATURE AND THE SOVIET ACADEMY OF SCIENCES.

ARTICLE I

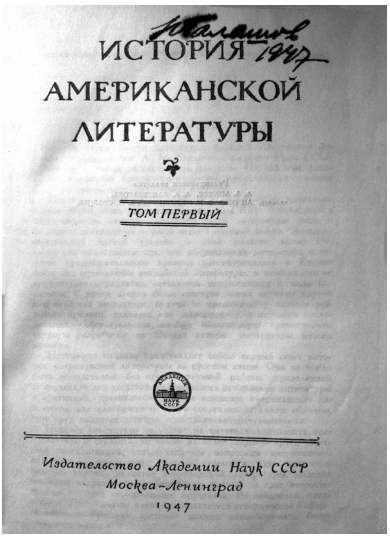
Abstract: The first Soviet *History of American Literature* (1947) made by A.I. Startsev, A.A. Elistratova, T.I. Silman – scholars of Gorky Institute of World Literature, Soviet Academy of Sciences) was a part of the global academic project "world literary history" undertaken by V.M. Zhirmunsky together with his colleagues, specialists in Western literature at the Insitute of Literature (Leningrad) and by I.K. Luppol at Gorky Institute of World Literature (Moscow) in late 1930–ies. The first volume was started in 1941; when the war began, the Gorky Institute was evacuated to Tashkent, and the work continued there. In 1945 the first volume of the *History of American Literature* was approved at Gorky Institute; the second volume was in work. However by the moment when the first volume was published (May 1947) the political situation in the USSR changed drastically. USA-USSR alliance gave way to the cold war. On Sept 21, 1947 A.M. Leites' devastating critique of the *History of American Literature* was published in *Kultura i Zhizn*' (№ 26), an organ of Agitation and Propaganda department of the Central Committee of the Communist Party; after that the book was criticized at Gorky Institute and condemned as incompatible with the principles of the Soviet science. The second volume wasn't published, the first one disappeared from the professional field. The debacle of the "American volume" marked the freezing of the world literary history project started in mid-thirties (it was re-started at Gorky Insitute much later, in early 1960-ies), as well as all Western literary studies in the Soviet Academy up to the late 1950-ies. The research is based on the materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN).

Keywords: history of science, *History of American Literature* (1947), Academy of Sciences of the USSR, A.I. Startsev, V.M. Zhirmunsky, Stalinism, archived documents

© 2016 Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow; Senior Researcher, PhD) sergeipanov@mail.ru

© 2016 Olga Yu. Panova (Lomonosov Moscow State University, Professor; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow; Senior Researcher, Doctor Hab. in Philology) literatura.da@gmail.com

Подготовленный в ИМЛИ РАН шеститомник «История литературы США» (1997–2014) явился, по словам главного редактора Я.Н. Засурского, «второй попыткой создать в России академическую историю литературы США. Первая была предпринята в 1947 г. В свет вышел только первый из двух запланированных томов. Он и сегодня интересен стремлением проанализировать художественные достижения американских писателей за обширный период от первых поселений до начала Гражданской войны. Том написан тремя выдающимися учеными — А.А. Елистратовой, Т.И. Сильман и А.И. Старцевым, и это придает книге особое единство стиля и концепции. [...] В обстановке холодной войны первая попытка создания на русском языке истории американской литературы не получила продолжения. Дальнейшая работа над нею была прекращена... »[1].



Экземпляр из библиотеки
молодого доцента МГПИ, к.ф.н. (с 1992 г. – академика РАН)
Н.И. Балашова (1919–2006)
(собрание авторов)

Стоит отметить, что издание 1947 г. не только не было завершено, но и в значительной степени выпало из референтного круга отечественной американистики, даже в новейшем шеститомнике практически отсутствуют обращения к этому труду[2].

1. *Засурский Я.Н.* Введение // История литературы США. М.: Наследие, 1997. Т.1. С. 5.
2. Работы 1930–1940-х гг. над историями зарубежных литератур как подготовка к проекту «Исто-рии всемирной литературы» рассматриваются в: *Курилов А.С.* ИМЛИ и академическое литературоведение // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 140-177. Привлекаемые нами материалы и, следовательно, некоторые выводы и оценки отчасти не совпадают с предложенными в содержательном очерке А.С. Курилова.

Досадным образом «История американской литературы» 1947 г. не включена и в подробные библиографические списки академической «Истории всемирной литературы» (1983-1994). Вероятно, это связано с тем, как создатели этого капитального труда обозначили родословную своего проекта:

> «История всемирной литературы» – плод работы большого отряда ученых [...] Это прежде всего Иван Иванович Анисимов. Будучи директором ИМЛИ им. А.М. Горького, он выступил зачинателем этого капитального научного мероприятия. Это Николай Иосифович Конрад [...] Это Борис Леонтьевич Сучков, в течение ряда лет деливший вместе с академиком Н.И. Конрадом обязанности главного реактора издания. Это Роман Михайлович Самарин, который, заведуя отделом зарубежных литератур ИМЛИ, также немало сделал для того, чтобы заложить фундамент издания. Это Ирина Григорьевна Неупокоева. С самого начала создания «Истории всемирной литературы» она заведовала соответствующим сектором ИМЛИ [...] и на своих плечах, вплоть до кончины в 1977 году, несла основную тяжесть непосредственного научно-организационного руководства этим весьма сложным по своей структуре начинанием. Значителен вклад И.Г. Неупокоевой и в разработку теоретических принципов сравнительного исследования литератур[3].

Таким образом, старт работы по «Истории всемирной литературы» отсчитывается здесь от начала 1960-х гг. Из научных предтеч называется только академик Веселовский как создатель «Исторический поэтики». Однако у знакомых с историей вопроса при чтении предисловия к «Истории всемирной литературы» за подписью Ю.Б. Виппера возникает стойкое ощущение déjà vu, благополучно разрешающееся, если рядом положить статью В.М. Жирмунского «Принципы и план построения истории западных литератур», опубликованную в «Известиях АН СССР» за 1941 г.[4] Те же принципы, тот же Веселовский, обнаруживаются и текстуальные переклички, схожие формулировки. Такое совпадение подсказывает, что искать истоки проекта «Истории всемирной литературы» следует не в исследованиях И.Г. Неупокоевой начала 1960- х гг., а существенно раньше – по крайней мере, в 1930-х.

1. У истоков: В.М. Жирмунский и ленинградские «западники»

Разработка проекта истории всемирной литературы началась в 1936 г. в созданном 25 октября 1935 г. Отделе западноевропейских ли-

3. *Виппер Ю.Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 6.
4. *Жирмунский В.М.* Принципы и построения истории западных литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. Т. II. № 1. С. 160–165.

тератур Пушкинского Дома – Института литературы (как в 1935-1949 гг. именовался ИРЛИ). Руководителем работ был глава отдела В.М. Жирмунский. Как подходить к построению многовековой истории тех или иных многонациональных явлений «по-марксистски» и «по-партийному», литературоведам подсказала газета «Правда».

27 января 1936 г. на ее страницах появились замечания Сталина, Жданова и Кирова на проспекты школьных учебников по отечественной истории и по зарубежной истории «нового времени». Эти замечания партийных вождей были составлены еще в августе 1934 г., когда все трое отдыхали в Сочи. Строгий партийный разбор – особенно проспекта учебника по истории СССР, подготовленного под руководством проф. Н.Н. Ванага (в 1936 г. арестован, расстрелян в 1937 г.; редактор учебника «зарубежной» истории академик Н.М. Лукин арестован в 1938 г., умер в заключении), сочетался с практическими указаниями – по периодизации, трактовке этапов развития феодализма и капитализма и др. «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, – это во первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, – это во вторых», – резюмировали сочинские отпускники.

С учетом таких указаний в Пушкинском Доме началась работа: русистов во главе с академиком А.С. Орловым – над многотомной историей русской литературы, западников – над историей западных литератур.

Весной 1936 г. были составлены планы историй французской и немецкой литератур: первый разработан А.А. Смирновым, С.С. Мокульским при участии Н.Я. Рыковой; второй – В.М. Жирмунским и Ф.П. Шиллером. Опыт профессора Ф. П. Шиллера (заведующего кафедрой всеобщей литературы 2-го МГУ; впоследствии МГПИ им. Ленина), подготовившего трехтомную «Историю западноевропейской литературы Нового времени» (М.: ГИХЛ, 1935-1937) был чрезвычайно важен для задуманного труда. Как одного из основных участников проекта Шиллера уже в феврале 1936 г. зачисляют в отдел западноевропейских литератур Пушкинского Дома. Шиллер участвовал в решении общих вопросов (периодизация, рубрикация) и в этом смысле также стоял у истоков проекта.

2–5 июня 1936 г. в западном отделе Пушкинского дома проходит совещание, посвященное обсуждению планов первых томов. По замечаниям Н.Я. Берковского, В.Г. Адмони, Д.Д. Обломиевского, Я.М. Металлова и др. планы подвергли основательной переделке. А.А. Смирнов

и Б.А. Кржевский в течение 1937 г. разработали план истории испанской литературы. В 1938 г. эти три плана были отпечатаны для обсуждения «на правах рукописи»[5].

На декабрьской юбилейной сессии Академии наук, посвященной 20-летию Октября (1937) вся наука рапортовала об успехах и брала на себя повышенные обязательства на третью пятилетку. Гуманитарии заявили масштабные проекты многотомных «Историй» по своим областям: история СССР, всемирная история, истории русской и зарубежных литератур. Дело выходило на государственный уровень. О первых результатах конкретной работы докладывали на сессии Отделения общественных наук АН СССР весной 1938 г. 26 апреля на утреннем заседании от имени литературоведов-русистов говорил академик А.С. Орлов, отчитавшийся о начале работы над задуманной десятитомной историей отечественной литературы. Вслед за ним от лица зарубежников выступил В.М. Жирмунский. В своем докладе «Принципы и планы построения истории западных литератур»[6] он представил только что напечатанные Институтом литературы планы первых трех трудов – истории французской, немецкой, испанской литератур, которые ленинградские «западники» привезли с собой на сессию. После обеда на вечернем заседании 26 апреля последовало многочасовое рабочее обсуждение этих планов-схем и основных положений доклада Жирмунского[7].

Главной задачей совещания была выработка принципиального общетеоретического и методологического подхода к построению всеобщей истории литературы. Следовало разрешить ряд непростых проблем. Поднимался вопрос о том, как будут соотноситься друг с другом по объему и степени детализации материала разные национальные литературы. С одной стороны, следовало давать представление о специфике той или иной конкретной литературы; с другой – все истории национальных литератур должны были как-то соотноситься между собой. Камнем преткновения стал вопрос о периодизации, который Ф.П. Шиллер назвал «труднейшей проблемой», «чрезвычайно важной для построения марксистской истории литературы»[8]. Шиллер указал на смешение «хронологической, исторической» периодизации (смена формаций, пе-

5. План истории западных литератур. Т. I-III. Франция, Германия, Испания / Отв. ред. В.М. Жирмунский. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1938. – 108 с.
6. Полный текст доклада см.: АРАН. Ф. 394.Оп. 10. Ед. хр. 40. Этот доклад и составил основу статьи, опубликованной под тем же названием в «Известиях АН СССР» через три года – в 1941 г.
7. На обсуждении присутствовали Н.Я. Берковский, М.К. Азадовский, Д.Д. Обломиевский, В.Г. Адмони, А.И. Белецкий, Н.Я. Рыкова, Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Гуковский, С.С. Мокульский, А.И. Старцев, В.Р. Гриб, А.К. Дживилегов, Р.О. Шор, Е.Л. Гальперина, Ф.П. Шиллер, И.М. Нусинов.
8. АРАН. Ф. 394. Оп. 11. Ед. хр. 37. Л. 27.

реломные исторические события, вроде Великой французской революции и т.д.) и периодизации собственно литературоведческой (смены и границы стилей и направлений) и предложил для «больших этапов», общих у всех литератур, взять историко-хронологическую периодизацию. внутри которой разрабатывать периодизацию историко-литературную. Кроме того, Шиллер, Р.О. Шор и некоторые другие участники обсуждения указали на необходимость выделить литературу до возникновения наций (средневековую и, возможно, ренессансную) в особый этап и рассматривать ее отдельно, поскольку здесь неприемлемы принципы, которые прилагаются к национальным литературам Нового времени.

Для разрешения подобных вопросов требовалось определить единую методологическую основу труда. Однако в кризисной ситуации середины 1930-х это оказалось нелегким делом в силу отсутствия очевидных ориентиров и установок. Опыт старых, дореволюционных «всеобщих историй литературы», например, четырехтомника Корша и Кирпичникова (1880-1892), неоднократно упоминавшегося в ходе прений, всеми очевидно воспринимается как устаревший. Как сформулировал профессор А.И. Белецкий, участники проекта как раз и собрались, чтобы «предпринять дерзновенную вещь» – «составление всеобщей истории литературы, которая бы упразднила необходимость обращения к Коршу и Кирпичникову»[9].

Что касается наработок советского времени («школа Фриче», труды Комакадемии), то они базировались на убеждении, что основной целью литературоведения является анализ взаимодействия литературы и общества. Однако после разгрома «вульгарного социологизма» было необходимо радикально пересмотреть принципы «классового подхода» при работе с историей литературы – уйти от дробления литературы на множество социально-классовых «анклавов», от мелочного «копания» в оттенках классовой и социальной принадлежности авторов, привязок к какой-либо социальной группе («литература мелких рантье», «обуржуазившегося дворянства» и т.д.). Требовалось вводить более крупные категории анализа – периоды, стадии, этапы исторического процесса. Платформа так называемой группы Лукача-Лифшица (с позиций которой на обсуждении выступал зарубежник МИФЛИ, романист В.Р. Гриб) также не была принята за основу; показательно, что в спор с В. Грибом вступил Ф.П. Шиллер: в недавнем прошлом сотрудник ИМЭЛ и Комакадемии, почти что «вульгарный социологист», теперь он убе-

9. АРАН. Ф. 394. Оп. 11. Ед. хр. 37. Л.2, 5. Ср. обзорную статью А.И. Белецкого «Русская наука о литературах Запада» (1946).

ждал младшего коллегу не горячиться по поводу классовой борьбы, а больше думать о литературе.

В ситуации методологической неопределенности понятие «стадиальности» в развитии литературы, разработка которого Жирмунским и его коллегами (в частности, Гуковским[10]) началась во второй половине 1930-х и продолжалась и в 1940-е гг., служило как бы ученым компромиссом: отдавая дань марксизму с его стадиями общественно-экономического развития, оно подключало и «гегельянство», и эстетическую (стилевую) компоненту. Так был оформлен ответ академической науки на указание «порвать с вульгарным социологизмом» без разъяснения, каким же правильным марксистским методом надлежит пользоваться. Разрабатывая эти теоретические принципы, В.М. Жирмунский особую роль отводил идеям А.Н. Веселовского, который был заявлен в качестве национального предтечи проекта в области методологии изучения историко-литературного процесса.

Выступая в апреле 1938 г. на сессии отделения общественных наук АН СССР, которая совпала по времени с празднованием столетнего юбилея Веселовского, Жирмунский говорил о необходимости осовременивания его идей: «Неслучайно “Историческая поэтика” Веселовского, грандиозный замысел великого русского ученого, опиравшийся на лучшие достижения буржуазной исторической науки на ее прогрессивном этапе, в конце концов остался незавершенным. Веселовскому недоставало той общей концепции закономерностей исторического процесса, которую не могла дать ему буржуазная социология его времени и без которой самый гениальный исследователь не может подняться над частными эмпирическими обобщениями»[11].

Идея обратиться к наследию Веселовского и создать «мичуринский гибрид», скрестив его с марксизмом, на тот момент полностью отвечала духу времени. С середины 1930-х гг. идет кампания по «актуализации» Веселовского: в прессе появляются десятки статей и публикаций[12], подчеркивается его близость к демократам-«шестидесятникам», обнаруживаются схождения с теориями Н.Я. Марра и т.д.

В академическом литературоведении, особенно в Пушкинском Доме, также ведется работа в этом русле: после десятилетнего перерыва

10. См. *Устинов Д.В.* Научные концепции Г.А. Гуковского в контексте русской истории и культуры 20 века // Новое литературное обозрение, 1998. № 29. С. 71-83; *Гуковский Г.* О стадиальности истории литературы / Публ. Д.В. Устинов // НЛО. 2002. № 55. С. 106–131.

11. АРАН. Ф. 394. Оп. 11. Ед. хр. 37. Л.13.

12. Показательна составленная И.Л. Беленьким библиография литературы о Веселовском, помещенная в томе его работ: *Веселовский А.Н.* Избранное: на пути к исторической поэтике. Сер. «Российские Пропилеи» / Сост., послесловие, комм. И.О. Шайтанова. М.: Автокнига, 2010. С. 654-672.

возобновляется дореволюционное собрание сочинений, в 1939-1940 гг. опубликованы два капитальных тома работ Веселовского, подготовленные в ИЛИ В.М. Жирмунским (первый том – с комментарием М.П. Алексеева)[13]. 100-летний юбилей 1938 г. (для проведения которого в 1937 г. в Союзе писателей была создана специальная комиссия) практически канонизировал Веселовского. В ИМЛИ в годы директорства В.Ф. Шишмарева (1944–1947) также «свила себе гнездо веселовщина» – и в конце 1940-х гг. это станет отправным пунктом для атаки не только на «Историю американской литературы», но и на весь проект академических историй зарубежных литератур.

2. «Мировая литература» в Институте мировой литературы

Сессия Отделения общественных наук АН СССР в апреле 1938 г. если и не принесла решающего интеллектуального прорыва, то все же подняла официальный статус проекта. Важнейшим организационным решением стало включение в том же апреле 1938 г. в систему АН СССР Института мировой литературы (ИМЛИ). Самым существенным обстоятельством стало появление на авансцене проекта энергичного и амбициозного директора ИМЛИ Ивана Капитоновича Луппола. С невероятной энергией он в течение 1938 г. провел переговоры с несколькими ключевыми фигурами в Академии (акад. В.Л. Комаров, акад. А.М. Деборин), заручился поддержкой свежеиспеченного писателя-академика А.Н. Толстого и др. и создал комиссию (в состав которой кроме него самого вошли Я.М. Металлов, А.К. Дживелегов, акад. Н.С. Державин, акад. М.М. Покровский, Р.О. Шор) по разработке монументального плана двадцатитомной истории мировой литературы (в 33 книгах). Именно тогда появилось такое название проекта — «История мировой литературы» (вместо «всемирной»), как соответствующее наименованию и научному профилю ИМЛИ. Всю работу предполагалось осуществить за третью пятилетку. После трех заседаний, в ноябре 1938 г. комиссия представила проект многотомного труда.

Долгое и бурное обсуждение проекта на заседании только что образованного Отделения языка и литературы (ОЛЯ) 27 апреля 1939 г[14]. увенчалось победой Луппола – несмотря на сопротивление ряда академиков и членов-корреспондентов АН, в частности, М.М. Покровского,

13. *Веселовский А.Н.* Избранные статьи / Общ.ред. В. А. Десницкий, А. А. Смирнов, авт. пред. В. М. Жирмунский, коммент. М. П. Алексеев Л.: Институт литературы АН СССР-Худож. лит., 1939: *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Ред. В. М. Жирмунский. Л. : Институт литературы АН СССР-Худож. лит., 1940.

14. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР 27.4.1939 г. АРАН. Ф. 456. Оп.1. Ед.хр. 15.

И.И. Мещанинова, Н.Л. Мещерякова, недоумевавших, как можно осуществить такое грандиозное предприятие за столь короткий срок и при жестоком дефиците, а то и полном отсутствии кадров, возникшем в результате «культурной революции» и борьбы с контрреволюцией и врагами народа. Критики проекта намекали на «дело славистов», фактически уничтожившее отечественную славянскую филологию, жаловались на плачевное состояние классической филологии, исчезновение библиотек и отсутствие книг, задавались вопросами, кто будет писать историю корейской или албанской литературы и т.д. Тем не менее, план был принят, была назначена редакционная комиссия (в которую вошли, в числе прочих, А.Н. Толстой, П.И. Лебедев-Полянский, В.М. Жирмунский, И.И. Анисимов, А.К. Дживелегов, М.М. Покровский, В.Ф. Шишмарев и сам И.К. Луппол).

Работа пошла быстрыми темпами, скоординированно. Сотрудники отдела западных литератур (первым его заведующим весной 1938 г. стал Ф.П. Шиллер, пробывший на этом посту всего несколько месяцев до своего ареста в октябре того же года) и отдела античной литературы (руководитель акад. М.М. Покровский) активно влились в работу над многонациональными историями литератур. ИМЛИ берет на себя подготовку истории русской советской литературы, истории литератур народов СССР, античной литературы, а также английской и американской литератур.

Американский том планировался в двух книгах («полутомах») и значился под № XIII в разработанном Лупполом плане. В обсуждениях и спорах его почти не касались, словно его судьба опасений ни у кого не вызывала. Подготовка американского тома числилась за ИМЛИ; в апреле 1939 г. Луппол утверждал, что первый полутом может быть готов к 1940 году, а второй — в 1941 г.; эти же сроки подтвердил, представляя 26 сентября 1939 г. на Отделении АН план научно-исследовательской работы ИМЛИ на 1940 г., ученый секретарь института М.П. (Натан) Венгров[15]. При этом изначально штатный «американист» в ИМЛИ был один — Абель Исаакович Старцев-Кунин (1909-2005), выпускник 2-го МГУ (1931 г.), затем — научный сотрудник Комакадемии, член Союза писателей, литературовед и литературный критик, автор ряда статей об американской литературе и книжки о Дос Пассосе (1934 г.); в западном секторе ИМЛИ Старцев работал с 1937 года. Только в 1939 г. в институт пришли новый зав. западным отделом Иван Иванович Анисимов и Анна Аркадьевна Елистратова (1910–1974). Зоны ответственности были

15. АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 26.

распределены так: Старцев – литература США, Елистратова – английская литература, по которой уже имелись наработки ленинградских ученых. С опорой на эти наработки и энергию Елистратовой подготовка английского тома продвигалась быстро, и уже к концу 1939 г. они с Анисимовым выпустили схему-план «Истории английской литературы». Старцев медлил, и его схема-план была представлена лишь к весне 1941 г. Надо полагать, он основательно погрузился в ранее мало известную всем московским американистам проблематику XVIII в. и параллельно тщательно прорабатывал американский XIX век.

Ушедший с началом войны в армию Анисимов будет значиться в редколлегии всех английских томов (начиная с первого полутома, изданного в 1943 г.), но в связи с американским о нем не вспомнят – очевидно, до войны коллективная работа по «Истории американской литературы» в ИМЛИ не велась. Активно участвовавший в английских томах ленинградский «универсал» М.П. Алексеев, обозначивший к 1940-м гг. свои интересы и в области американистики (заметки по русско-американским литературным связям, очерки о Лонгфелло (1940), М.Твене (1945))[16], к работе тоже не привлекался.

В отделе хроники («В Институтах отделения») «Известий Отделения литературы и языка АН СССР» накануне войны сообщалось:

> «История мировой литературы», над которой работают два литературоведческих института Отделения, строится на основе марксистско-ленинской теории с привлечением значительного количества новых, извлеченных из архива, материалов, и материалов, неиспользованных буржуазными историками литературы по классовым соображениям. «История мировой литературы» ставит задачей показать исторический процесс развития литератур, переоценить значение литературных направлений и отдельных писателей, данное буржуазно-либеральными историками литературы, вскрыть роль литературы как особого вида идеологии [...]. В 1940 году подготовлен том I «Истории французской литературы» в 2 томах, охватывающий период этой литературы с возникновения (IX в.) до Французской буржуазной революции (1789 г.), и том II этой истории с 1789 г. до наших дней. По «Истории немецкой литературы» том I (XI–XVIII в.) сдан в печать, и том II (1789 до наших дней) подготовлен в 1940 г. Закончена работа над «Историей испанской литературы». По «Истории английской литературы» подготовлен том I (до 1789г.) и начата работа над II томом, охватывающим период от 1789 г. до наших дней. Написан том I «Ита-

16. См. доклад М.П. Алексеева: [Изучение американской литературы в СССР. Доклад на научной сессии по вопросам американской культуры 19/X 1945 г. Краткое изложение] // Ленинградский университет. 1945. № 41, 7 ноября. С. 4.

льянской литературы» [...] кончая XVI в.; в 1941 г. будет вестись работа над II томом». Сообщается также, что в 1940 г. классиками разработан план-схема двухтомной «Истории латинской литературы», подготовлен том I греческой литературы, и в 1941 г. будет готов том II, а востоковеды занимаются подготовкой «Истории восточных литератур»: в Институте Востоковедения АН разрабатывают планы арабской, турецкой, персидской, китайской, японской и др. литератур[17].

Казалось, грандиозный проект создания истории всемирной литературы уже близок к осуществлению. Тем не менее, несмотря на бодрые репортажи, всем этим планам не суждено было сбыться: в феврале 1941 г. директор ИМЛИ академик Луппол был арестован в писательском доме отдыха под Тбилиси, а еще через два года, в мае 1943-го, погиб в лагере. С исчезновением Луппола проект, который теперь уже был тесно связан с его именем, застопорился. А вскоре свои коррективы внесла война.

Истории литератур стран-противников (Германия, Италия, Испания) были отложены, несмотря на проделанную работу. Пятитомная академическая «История немецкой литературы» выйдет в ИМЛИ совсем в другую эпоху — в 1962—1976 гг. История испанской и итальянской литературы в задуманном формате так и не будут изданы. Что касается истории литератур стран-союзниц по антигитлеровской коалиции, то они выходили по мере готовности даже в военное время: первый том истории английской литературы был напечатан до конца войны (выпуски 1, 2: 1943, 1945 гг.), первый том истории французской литературы — сразу по ее окончании, в 1946 г. Первый том истории американской литературы появился немного позже, в первой половине 1947 г.

3. Наука на военном положении

Основная работа над «Историей американской литературы» пришлась на военные годы. Подготовленная в1941 г. план-схема труда из-за начавшейся войны напечатана не была[18]. Издание планировалось как двухтомное (1-й том — литература до Гражданской войны, 2-й том — литература последней трети XIX и XX вв.). И американский том, и английские тома задумывались и создавались в логике союзнических отношений с этими странами — но к моменту издания времена изменились. Много позже А.И. Старцев вспоминал: «Я работал в институте

17. Работа институтов Отделения литературы в 1940 году // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. Т. II. № 2. С. 125.

18. Машинописный экземпляр 1941 г. см.: АРАН. Ф. 397.Оп. 2. Ед. хр. 23. В Приложении к настоящей статье публикуются разделы схемы-плана, соответствующие содержанию второго (не вышедшего) тома.

мировой литературы Академии наук. Мы решили написать двухтомную историю американской литературы. Отношения были с Соединенными Штатами дружественными. В то время, когда вышел первый том, началась холодная война и критика обрушилась на многие книги, где было выражено доброе отношение к США, к культуре этой страны. Тогда и началась проработка моих трудов»[19].

ИМЛИ был эвакуирован в октябре 1941 г. Сотрудник института Е.М. Евнина описывает эти драматические события в своих воспоминаниях: большинство академических работников (в основном пожилые и больные сотрудники, женщины, дети) покинули Москву в пешей колонне; потом через Горький, Казань и Алма-Ату коллектив ИМЛИ был переправлен в Ташкент, где сотрудников института разместили в помещении балетной школы[20]. Осенью 1942 г. в Ташкент прибыла семья ленинградских филологов – В.Г. Адмони и Т.И. Сильман, в первый год войны проделавших путь из Ленинграда через Казань до Пятигорска. Они в последний момент эвакуации выехали с Северного Кавказа на крыше вагона, в котором перевозили зверинец[21]. В Ташкенте Т.И. Сильман была принята в штат ИМЛИ и присоединилась к научному коллективу, работавшему над «Историей американской литературы»:

> Откуда-то мы еще в Пятигорске узнали, что в Ташкенте находится Институт мировой литературы Академии наук – тот институт, в котором Тамара триумфально выступила незадолго до войны. Мы решили его разыскать. Он помещался [...] в огромном здании балетной школы [...] в огромном репетиционном трехсветном зале, где в закутках, разгороженных ящиками с книгами, ютились человек сорок, а то и шестьдесят. И тут выяснилось нечто неожиданное: Тамару в институте давно уже ждали. Институт – по понятным политическим причинам – получил спешное задание подготовить многотомное издание «Истории американской литературы», и Тамара должна была стать одним из основных авторов этого произведения. Институт посылал даже вызов Тамаре в Казань. Но Тамары там в это время уже не было. Институт обещал Тамаре через несколько дней или недель оформить ее – и предоставить ей, да и всей нашей семье, места в общежитии, в той самой трехсветной зале [...] Это обрадовало и утешило нас[22].

19. Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена.. Интервью с Абелем Старцевым Михаила Бузукашвили // Чайка. 2002. № 5 (21). – URL: http://www.chayka.org/node/3755.

20. *Яневич Н* [= Евнина Е.М.] Институт мировой литературы в 1930-е-1970-е годы // Память. Исторический сборник. Вып. 5. М.: Париж: Editions La Presse Libre, 1982. С. 92-93.

21. См. об этом: *Адмони В.Г., Сильман Т.И.* Мы вспоминаем. Роман. СПб: Композитор, 1993. С. 229–278.

22.Там же. С. 272.

Главной темой ученых занятий Тамары Исааковны Сильман (1909–1974) на тот момент был Диккенс, «герой» подготавливаемой диссертации и доклада, с которым она в 1940 г. выступала в ИМЛИ[23]. В 1930-е Т.И. Сильман опубликовала ряд рецензий на переводы американских авторов (Т. Бойда, Колдуэлла, Хемингуэя), статью о Хемингуэе (1936), предисловия к двум сборникам рассказов О. Генри и к «Американским рассказам» М. Твена (1938). После войны Т.И. Сильман не выпустила ни одной работы по литературе США – за исключением глав в «Истории американской литературы». Несмотря на бытовые трудности и подорванное здоровье (сразу по приезде в Ташкент она переболела тифом), в конце декабря 1942 г. Т.И. Сильман защитила привезенную с собой из Пятигорска докторскую диссертацию о Диккенсе, одновременно работая для «Истории» над главами о ключевых фигурах американского романтизма (Э. По, Н. Готорн, Г. Мелвилл). А.А. Елистратова в это время трудилась одновременно и над вторым английским, и над первым американским томом.

Судя по всему, между коллегами и родными, оставшимися в Москве и уехавшими в эвакуацию, поддерживалась связь, и была возможность переправлять книги и бумаги, так что несмотря на нехватку материалов, работа в Ташкенте не прекращалась[24].

Институт возвратился из эвакуации весной 1943 г.; вместе с коллективом ИМЛИ в столицу поехали Сильман и Адмони. «В мае 1943 года академические институты, и наш в том числе, возвратили в Москву. Все бросились восстанавливать свои брошенные дома и возобновлять занятия, прерванные войной. Только ленинградцы еще не спешили в свой многострадальный город, и на первых порах мои друзья – Тамара Исааковна и Владимир Григорьевич — остались работать в нашем московском институте. Тем более, что Тамара Исааковна была нужна коллективу американистов, завершавшему работу над „Историей американской литературы"», – вспоминала Е.М. Евнина[25].

Создавая первопроходческую для отечественной американистики «Историю американской литературы», Старцев и Елистратова еще на этапе разработки плана-схемы опирались на труд В.Л. Паррингтона «Основные течения американской мысли» (1927), который более пятнадцати лет, вплоть до конца 1940-х гг., оставался в США методологическим ориентиром и эталоном написания литературной истории;

23. Опубл.: Из истории английского реализма. М.: Изд-во АН СССР, 1941.

24. Возможны были и поездки, так, летом 1942 г. в Москву приезжал Старцев. См.: *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. Мемуарная книга. М.: Захаров, 2006. С. 499.

25. *Яневич Н.* [= Евнина Е.М.]. Институт мировой литературы... С. 96.

этот статус он утратил только в 1950-е гг. под влиянием новой интеллектуальной моды (что выразилось в полемических высказываниях по адресу Паррингтона Л. Триллинга и «новой критики») – но при этом перешел в разряд научной классики.

Паррингтон отталкивается в своей интерпретации литературной истории (и шире, истории идей) от первичных факторов – экономических и географический реалий, рассматривает литературу в плотном контексте политики и экономики, связывает взгляды литераторов с их принадлежностью к определенному социальному слою или группе, с их экономическими и политическими целями и интересами. Как историк-прогрессист[26] Паррингтон кладет в основу своего труда концепцию стадиальности американской литературной истории, разделив ее на три этапа – теократический кальвинистский пессимизм XVII-первой половины XVIII в., романтический оптимизм (от войны за независимость до окончания гражданской войны), позитивистский механистической пессимизм (эра прогрессизма и начало XX в.), и прослеживает постоянную борьбу прогрессивных и реакционных сил на протяжении американской истории. Эти установки Паррингтона были близки советским американистам, как и общий тон его труда, лишенный академической беспристрастности (заклейменной в СССР в качестве «объективизма»). Исследователь с выраженной идейной позицией, Паррингтон не скрывает симпатий ко всему «прогрессивному» (например, к ранним «бунтарям» против теократов-кальвинистов – Хукеру, Мортону, Уильямсу, Уайзу) и отрицательно оценивает «реакционные» явления (например, деятельность династии Мезеров или Александра Гамильтона).

В 1960-х гг. именно эти черты подчеркивала как достоинства А. Елистратова в своей рецензии на издание русского перевода трехтомного труда Паррингтона 1962–1963 гг.:

> Паррингтон не был марксистом и никогда не выдавал себя за марксиста. Но марксистская историко-литературная наука в США смогла возвыситься до новых, более широких и точных обобщений [...]. Принципы экономического детерминизма, положенные им в основу исследования, давали ему несомненные преимущества по сравнению с во всеми предшествующими буржуазными историками американской литературы и общественной мысли. В отличие о них, Паррингтон сумел показать, что духовная жизнь американского народа подчинялась материально обусловленным и материально объяснимым законам классовой борьбы [...]. Равнодушная эмпирическая

26. См.: Crowe Ch. “The Emergence of Progressive History”. *Journal of the History of Ideas*. 1966. Vol. XXVII, No 1, pp. 109–124; Hofstadter R. *The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington*. New York: Alfred A. Knopf,1968.

«всеядность» позитивизма всего менее может быть поставлена ему в вину. Недаром он сам в предисловии к своему труду говорит о своей «пристрастности» и указывает, что в его суждениях слышны порой «отзвуки бурных страстей и жарких споров» тех дней, о которых он пишет[27].

Эта оценка Паррингтона, хоть и данная уже в середине 1960-х, передает восприятие его труда в 1930-е гг. первыми советскими американистами – С. Динамовым, И. Анисимовым и более молодым поколением – А. Старцевым, А. Елистратовой, для которых этот труд был огромным событием, прорывным исследованием, настольной книгой, темой для споров и обсуждений, предметом восхищения и критики. В своей рецензии Елистратова защищает Паррингтона, саркастически высказываясь о предисловии к трехтомнику Р.М. Самарина. Язвительные пассажи в адрес Самарина («автора [...] занимает не столько движение живой, ищущей мысли воинствующего демократа Паррингтона, американца 20-х годов, осуществлявшееся в муках и трудностях, но вдохновленное духом народного сопротивления, сколько забота о составлении исчерпывающего реестра ошибок, которые могут быть обнаружены в этом сочинении»[28] – а как дальше выясняется, «ошибки» эти вовсе ошибками не являются) написаны от лица поколения, выстрадавшего в сталинские 1930-е свое право понимать, любить Паррингтона и критиковать его. В этом праве Елистратова отказывает Р.М. Самарину, человеку другого круга и ученому другого склада, пришедшему в серьезную академическую науку только в послевоенные годы, уже после большого террора (не говоря о методологических битвах начала 30-х), когда за свои взгляды можно было поплатиться свободой и жизнью, и стремительного сделавшего карьеру во время кампаний рубежа 1940-1950-х и «чисток» рядов западников.

То, что Елистратова пишет о Паррингтоне, в общем, созвучно тому, что В.М. Жирмунский писал в свое время о Веселовском – исследователе-немарксисте, поднявшимся на высоту, максимально достижимую для буржуазной науки и создавшим концепцию, которую можно взять за основу, скорректировав и «оплодотворив» марксизмом. Ту же роль, которая отводилась Веселовскому в создании монументального комплекса «мировой истории литературы», Паррингтон сыграл для «Истории американской литературы».

27. *Елистратова А.* Трилогия В. Л. Паррингтона. Рец. на кн.: Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 года. Т. I—III. — М., 1962—1963. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1964. — Т. XXIII. Вып. 6. — С. 552—553.

28. Там же. С. 553.

Ориентация на трехтомник Паррингтона определила не только композицию плана-схемы труда, но и отбор материала, пропорции, оценки. Однако в ходе написания тома были внесены коррективы в первоначальный замысел. Наименьшим трансформациям подверглась первая часть, посвященная XVII-XVIII вв. («От времени первых английских поселений до победы буржуазной революции»). Здесь в некоторых случаях скорректировались названия (например, в Отделе II I части «Писатели американского Просвещения» превратились в «Публицистов»), кое-где изменился порядок расположения параграфов, некоторые авторы были исключены (например, поэт-лоялист Джонатан Оделл) или перемещены: так, Френсис Гопкинсон был исключен из компании «университетских поэтов» и причислен к «народной поэзии»; сам же параграф главы о революционных поэтах «Народная поэзия», фигурировавший в плане, был расширен и получил новое, идейно-выдержанное название «Массовая политическая поэзия».

Наиболее глубоким изменениям поверглась вторая часть тома, посвященная романтизму. В первоначальном названии этой части «От победы буржуазного порядка до начала эпохи империализма» была изменена верхняя граница («...до гражданской войны Севера и Юга»). Материал до гражданской войны в плане-схеме предполагалось уложить в два отдела и, кроме этого, включить во II часть литературу 1870-х-начала 1880-х гг., а именно, отдел III «Формирование американского реализма», куда должны были войти ранний Марк Твен, Уитмен, Лонгфелло, Уэнделл Холмс, Брет Гарт и литература регионализма (областники). В итоге этот отдел в первый том не пошел, а материал первых двух отделов плана разросся до четырех в окончательной редакции тома: 1. «Литература раннего романтизма» — Ирвинг, Купер, Брайант; южный роман; 2. «Трансценденталисты»; 3. «Литература американского романтизма» — По, Готорн, Мелвилл; 4. «Аболиционисты».

В томе первый отдел второй части получил другое название (в плане – «Романтическое неприятие буржуазного прогресса и американская литература»); Брайант, которого вначале предполагали дать в 1 главе вместе с Ирвингом и «никербокерами», был выделен в отдельную, вторую главу; из главы 1-й исчезли Джеймс Полдинг и «никербокеры» Ф.-Г. Галлек и Дрэйк, и она оказалась посвящена исключительно Ирвингу. Купер рассматривался в 3-й главе, южане – в 4-й.

В плане-схеме предполагалась глава «Американская романтическая школа» с параграфами о По, Готорне и Мелвилле; но параграфы разрослись до глав, а глава – до отдела III (написанного целиком Т. Силь-

ман). Отдел II плана («Общественное движение кануна гражданской войны и литература») должен был состоять из двух глав – трансценденталисты (Эмерсон, Торо, Фуллер, Т. Паркер, Амос Олкотт, Чаннинг и др.) и аболиционисты (Уиттьер, Бичер-Стоу), куда также включалась литература южан-апологетов рабства и обзорный параграф «Литература гражданской войны».

В итоге материал оказался разбит на два отдела: Отдел II, написанный А. Старцевым, посвящался трансценденталистам и состоял из Введения и двух глав. Главы отводились Эмерсону и Торо, прочие их единомышленники освещались во Введении. Заключительный, IV отдел тома «Аболиционисты» содержал две главы, написанные А. Елистратовой (Уиттьер и Бичер-Стоу) и Введение Старцева с обзором литературной полемики Севера и Юга о рабстве и прочим материалом (Лонгфелло «Песни о рабстве», У.Л. Гаррисон и «Либерейтор», речи Линкольна, Вендель Филипс, фольклор северян).

Общий смысл этих изменений в целом понятен. План был составлен с опорой на труд Паррингтона, в котором литература служила материалом для описания и анализа общественно-политической мысли, борьбы идей (слово «литература» знаково отсутствует в названии книги Паррингтона). В процессе написания глав стала явной необходимость «развернуть» том в сторону истории литературы, а не истории идей. (Характерно, что Елистратова признает справедливым единственное критическое замечание Самарина по адресу Паррингтона – «недооценка автором „Основных течений“ эстетического своеобразия художественной литературы США»[29].) В итоге корифеи американской литературы XIX века – Вашингтон Ирвинг, Купер, По, Готорн, Мелвилл выдвинулись на первый план и структурно, и в плане «листажа» (все они получили объемные монографические главы). Названия отделов и глав также стали больше ориентированы на собственно историко-литературную проблематику (стили и направления, литературные школы, кружки, объединения).

4. «Ценная и крупная работа»

Через полтора года после возвращения ИМЛИ из эвакуации работа над I томом «Истории американской литературы» была завершена. В конце 1944 г. рукопись была обсуждена в отделе и представлена рецензентам – В.М. Жирмунскому и И.А. Кашкину. Вопрос об утверждении

29. Там же.

первого тома рассматривался на заседании ученого совета института 13 февраля 1945 г. В отсутствие директора В.Ф. Шишмарева председательствовал зам. по научной работе Леонид Ипполитович Пономарев, директор Музея Горького, и.о. директора ИМЛИ в 1940–1944 гг. Ученым секретарем был античник, филолог круга ГАХН, поэт Борис Викторович Горнунг, в ИМЛИ участвовавший в редактуре «Истории греческой литературы» (т. 1, 1946).

На заседании присутствовали члены Ученого совета: А.К. Дживелегов, С.И. Соболевский, М.А. Цявловский, И.М. Нусинов, Н.К. Гудзий, Л.И. Тимофеев, Б.Н. Козьмин, Н.К. Пиксанов, В.Я. Кирпотин, а также старшие научные сотрудники А.А. Елистратова, А.И. Старцев, Т.Л. Мотылева, И.А. Кашкин[30].

Первым пунктом заседания стояло рассмотрение глав «Очерка истории русской советской литературы» (после долгих мытарств в 1952 г. вышел «макет» книги для обсуждения, которое сложилось не гладко; издан в двух частях в 1954-1955 гг.), но из-за отсутствия обоих рецензентов его пришлось перенести и сразу приступить к обсуждению первого тома «Истории американской литературы». Вначале выступил А.И. Старцев. Он представил труд, кратко остановился на истории его создания и охарактеризовал те изменения, которые возникли по сравнению с планом-схемой:[31]

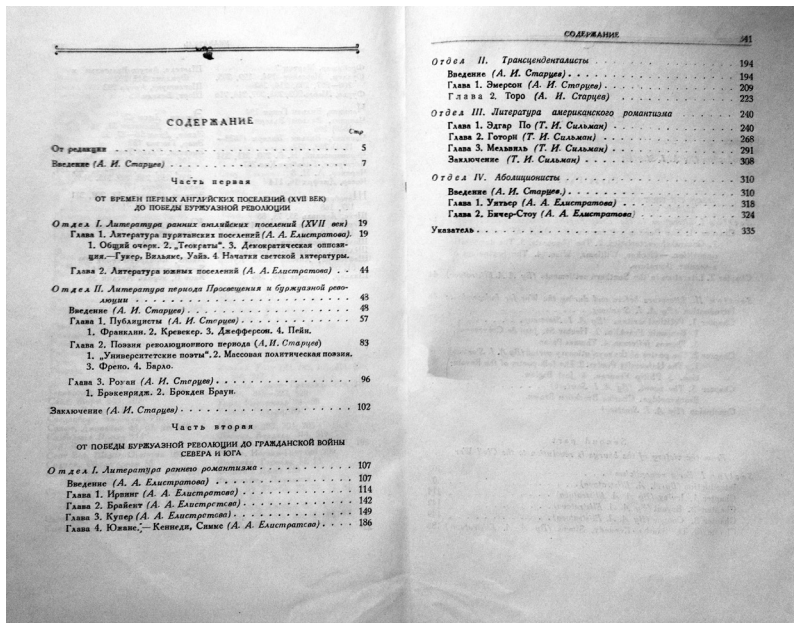
> Мы представляем сегодня Ученому Совету первый том «Истории американской литературы». Это половина той работы, которая должна быть сделана. Объем тома примерно 25 печ. листов, такой же второй том должен быть в основном написан в этом году с тем, чтобы быть сдан в печать в следующем году. Работа над первым томом началась довольно давно. Схема-план подробного выполнения работы был утвержден на заседании Отделения языка и литературы перед самой войной. Происшедшие события не позволили нам развернуть работу так, как мы предполагали, вследствие ряда задержек, но в соответствии с имевшимся планом мы закончили работу над этим томом в настоящее время.
>
> Первый том «Истории американской литературы» начинается с рассмотрения литературы ранних пуританских поселений, т.е. тех поселений, которые составили основное ядро США после успешной революции, он доводит изложение до середины XIX века, до литературы, связанной с движением аболиционистов, и в дальнейшем с Гражданской войной Севера и Юга, после которой США вступили в такой период, какой мы имеем сейчас, т.е. дальнейшие структурные изменения не внесли ничего принципиально нового. Это не есть просто искусственное деление в интересах удобства

30. Протокол Ученого совета ИМЛИ от 13.02.1945 г. АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1.

31. Здесь и далее стенограмма заседания Ученого совета ИМЛИ от 13 февраля 1945 г. цит. по: АРАН. Ф. 397. Оп.1. Ед. хр. 133. Л. 96–120.

издания, а есть деление, обоснованное исторически, т.е. посвященное двум различным периодам, имеющим особые характерные черты и закономерности культурного и литературного развития.

Вкратце дам обзор оглавления с тем, чтобы это представили себе товарищи, которые работы не читали. Часть первая называется «От начала колонизации до победы буржуазной революции». Тому предпослано общее введение, посвященное некоторым особенностям развития американской культуры, это есть известное нововведение. Таких глав не предпосылалось предыдущим историям литератур, в том числе и «Истории английской литературы», которая была сделана нашим Институтом. Вообще говоря, эта глава небольшая и, казалось бы, можно было без нее обойтись, однако мы учитывали, во-первых, что истории американской литературы по-русски не



СОДЕРЖАНИЕ

Стр

От редакции 5
Введение (А. И. Старцев) 7

Часть первая

ОТ ВРЕМЕН ПЕРВЫХ АНГЛИЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (XVII ВЕК) ДО ПОБЕДЫ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отдел I. Литература ранних английских поселений (XVII век) 19
Глава 1. Литература пуританских поселений (А. А. Елистратова). 19
1. Общий очерк. 2. „Теократы". 3. Декоративная описательная.—Тукер. Вильямс. Уайз. 4 Начатки светской литературы.
Глава 2. Литература южных поселений (А. А. Елистратова) . . 44
Отдел II. Литература периода Просвещения и буржуазной революции 48
Введение (А. И. Старцев) 48
Глава 1. Публицисты (А. И. Старцев) 57
1. Франклин. 2. Кревекер. 3. Джефферсон. 4. Пейн.
Глава 2. Поэзия революционного периода (А. И. Старцев) 83
1. „Университетские поэты". 2. Массовая политическая поэзия. 3. Френо. 4. Барло.
Глава 3. Роуан (А. И. Старцев) 96
1. Брекенридж. 2. Брокден Браун.
Заключение (А. И. Старцев) 102

Часть вторая

ОТ ПОБЕДЫ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ СЕВЕРА И ЮГА

Отдел I. Литература раннего романтизма 107
Введение (А. А. Елистратова) 107
Глава 1. Ирвинг (А. А. Елистратова) 114
Глава 2. Брайант (А. А. Елистратова) 142
Глава 3. Купер (А. А. Елистратова) 149
Глава 4. Ирвинг,—Кеннеди, Симмс (А. А. Елистратова) . . . 186

СОДЕРЖАНИЕ 241

Отдел II. Трансцендентализм 194
Введение (А. И. Старцев) 194
Глава 1. Эмерсон (А. И. Старцев) 209
Глава 2. Торо (А. И. Старцев) 223
Отдел III. Литература американского романтизма 240
Глава 1. Эдгар По (Т. И. Сильман) 240
Глава 2. Готорн (Т. И. Сильман) 268
Глава 3. Мелвилль (Т. И. Сильман) 291
Заключение (Т. И. Сильман) 308
Отдел IV. Аболиционисты 310
Введение (А. И. Старцев) 310
Глава 1. Уиттер (А. А. Елистратова) 318
Глава 2. Бичер-Стоу (А. А. Елистратова) 324
Указатель 335

существовало. Это есть первая история американской литературы, которая пишется русскими исследователями. И получилось так, что первая история американской литературы на русском языке пишется уже на основе тех достижений марксистско-ленинской литературной науки, которые мы имеем. Таким образом, это есть не только первая история американской литературы на русском языке, но и в каком-то смысле первая история американской литературы вообще, которая нас, историков, удовлетворяет в методологическом отношении. Поэтому мы сочли необходимым дать некоторую общую характеристику развития американской литературы, которая, как нам кажется, дает единство взглядов обозрению, которое мы предлагаем.

Перед тем как писать историю американской литературы, мы, как я уже говорил, разработали подробную схему-план. Она не была напечатана в связи с

трудностями военного времени (вы знаете, что схема-план английской литературы была напечатана), хотя, конечно, в процессе работы над историей литературы нам пришлось кое-что менять, видоизменять, некоторые предварительные оценки пересматривать, от некоторых отказываться, но такая практика себя оправдала. Мы приступили к этой работе, имея перед собой как бы каркас — довольно подробно разработанную схему будущего труда, где по основным вопросам работа членов коллектива была согласована. Если в нашей истории есть какие-либо заблуждения, то эти заблуждения мы все вместе разделяем и намерены их отстаивать.

Таким образом, первая глава истории литературы — это литература пуританских поселений. Принадлежит она А.А. Елистратовой. Вторая глава — это литература периода Просвещения и буржуазной революции, эта глава написана мной. В первой главе этой главы (не буду называть авторов, это авторы малоизвестные) есть разделы, посвященные Франклину, Джефферсону и т.п. Далее, после революционного периода, политическая поэзия и некоторые другие более мелкие разделы; краткий раздел, посвященные роману. Эти разделы исчерпывают первую часть.

Часть вторая: от победы буржуазной революции до войны Севера и Юга. [Ее первый раздел] написан А.А. Елистратовой и содержит две большие главы, посвященные творчеству Вашингтона Ирвинга, первого американского писателя с европейской репутацией, и Купера, первого американского писателя с большой современной европейской и русской репутацией. Этот раздел заключается небольшой главкой, посвященной писателям менее известным. Дальше идет отдел, посвященный писателям, известным под именем трансценденталистов. Это писатели Эмерсон, Торо и другие [не]известные у нас. Эта большая группа писателей-моралистов и критиков представляла собой движение, которое связано чуть ли не с идеями утопического социализма, но в характерном американском преломлении. Вся эта группа, которая действовала в сороковых годах, в значительной мере может быть сопоставлена с общественным и литературно-критическим движением, которое имело место у нас.

Далее идет большой третий раздел, посвященный писателям-романтикам. «Трансценденталисты» были написаны мной, большой раздел, посвященный романтикам, написан Т.И. Сильман. Он включает три большие статьи, посвященные творчеству Эдгара По, Готорна и Г.Мельвиля. Первый у нас известен, вторые, особенно последний, даже на русский язык не переводились. Оба эти писателя мирового масштаба, которые заслуживают надлежащего исследования у нас.

Раздел четвертый — аболиционисты, это поэт Уитьер и очень известная у нас Бичер-Стоу. Отдел имеет краткое введение, посвященное общественному движению этого периода, дает картину творчества этих писателей и литературного движения в период, непосредственно предшествовавший гражданской войне Севера с Югом, имевшей своим непосредственным идеологическим содержанием борьбу с рабством.

Я хотел бы подчеркнуть, что, в отличие от истории английской литературы, нам тут отчасти удалось, в виду [не]большого объема труда, написать его си-

лами трех авторов. Вообще говоря, конечно, желательно, чтобы такие работы, при всем преимуществе и значении коллективного принципа, были написаны не слишком большим коллективом авторов, так как даже при тщательном выполнении, все-таки известная пестрота и художественные различия индивидуального письма не способствуют цельности впечатления. Мы надеемся, что это здесь соблюдено. Вот вкратце содержание представляемой работы.

Из двух рецензентов тома на обсуждении присутствовал только Иван Александрович Кашкин (1899—1963). Выпускник 2-го МГУ (1924), уже в начале 1930-х ставший выдающимся переводчиком и критиком, он в конце 1944 г. как специалист по англо-американской литературе XX века был зачислен научным сотрудником в ИМЛИ для участия в работе над англо-американскими историями литературы. Кашкин произнес настоящий панегирик труду американистов ИМЛИ.

При рецензировании этой работы, проделанной авторским и в то же время редакционным очень тесным коллективом, нужно прежде всего отметить очень серьезный подход к заданию. Строго обдуманный тематический план и очень вдумчивое его выполнение в полном соответствии с той схемой-планом, о которой говорил А.И. [Старцев], которая была неоднократно обсуждена и утверждена в ряде инстанций. Учитывая опыт других академических историй литературы, схема-план, если не считать некоторых пробелов, некоторых спорных вопросов, скажем, об отнесении тех или других авторов целиком к романтикам (вы знаете, что реалисты и романтики это вообще «проклятый вопрос») [...] была настолько предусмотрительна и удачна, что в основном авторы не стали уклоняться от этого плана. В отдельных случаях при расширении темы – а некоторые авторы позволяют себе именно расширять тему до пределов монографического охвата ее – авторы стремились охватить очень большой материал, но затем возвращались в общее русло работы и опять попадали в норму. И вот рукопись, которая перед нами, не вызывает серьезных и принципиальных возражений.

Том, как говорил сам А.И. [Старцев], единоличен в смысле стилистическом, в смысле выражения той действительности, очень органичен, и он настолько органичен, что трудно вносить в него какие-либо изменения [...]. Со стороны композиции и со стороны некоторых частей стиля стоило бы отметить, пожалуй, некоторую неровность в том внимании, которое авторы уделяют тем или другим авторам, насколько исчерпывающе разработан тот или другой американский автор. Есть отдельные случаи, когда плавное изложение вдруг сменяется конспективностью, как бы скороговоркой, иногда почти тезисной уплотненностью в концовках. В общем, в рукопись вложен очень большой и самостоятельный труд. Это вложено во всю работу в целом, но особенно это видно там, где, как в начале тома в очерке истории «Литературы пуританских поселений», действительно очень мало было сделано нашими литературоведами. Тут авторы вступают в эту область пионерами своего

дела. В общем, достигнута опять-таки не монолитность, но очень большая живость и конкретность изложения. Из введения особое внимание [привлекает] статья об [аболи]ционизме, с большим подъемом и очень живо написанная. Из обзорных статей — очень обстоятельная и также захватывающая: «Обзор литературы пуританских поселений». Это говорит о том, что вообще скучных тем нет. Из монографических статей надо отметить монографии об Ирвинге, о Купере, превосходные статьи о Торо, о Готорне.

Насчет XVIII века – он действительно для историков художественной литературы труден. Там очень много политического материала, и некоторые статьи по XVIII веку не удовлетворяют в части истории литературы. Они вполне были бы уместны в истории развития общественной мысли, истории самой идеологии, но в истории литературы они несколько сужены.

Очень интересна статья об Эдгаре По. Вообще об Эдгаре По писать очень трудно. Как вы сами понимаете, он очень известен, но ведь это громадина, это писатель многих жанров, и тут, на мой взгляд, эта очень интересная статья написана несколько неровно. Проблемная статья, очень интересная, но биография меня никак не удовлетворяет. Следы некоторой недоработки носит и первая на русском языке статья о Мельвиле. Об этом писателе из русских литературоведов никто не писал. Может быть, эти статьи еще не отстоялись, они последние в томе.

Стоит ли сейчас говорить о многих положительных деталях, частностях? Я бы этим только повторил общую положительную оценку, о которой я уже говорил. Есть один общий вопрос, вернее, несколько общих вопросов, которые касаются не только этой литературы, но и всех литератур, которые нам предстоит писать в дальнейшем. [...] необходимо определить совершенно точно степень академичности или степень популярности этого труда. Может быть разное понимание назначения этого труда, и тут нужно сразу установить равнодействующую. [...] Затем, степень равномерности изложения или монографического выделения отдельных авторов. Затем, характер самого библиографирования, способ цитирования, который очень различен в зависимости от степени академичности или популярности издания. Тут вопрос пользования всякого рода неологизмами, литературоведческими терминами и т.п. Характер пересказа произведения в учебнике — один, в научном труде — другой. Все это нужно, может быть, в процессе доработки точнее установить, не для того, чтобы менять на ходу тип очень хорошего труда, но для того, чтобы, точнее уяснив себе это, рассеять последние сомнения и недоумения, согласиться до конца с автором или, может быть, внести кое-какие поправки в целях достижения большего единообразия. Сам А.И. [Старцев] говорит о монолитности, о единообразии как о достоинстве книги, значит, нужно доводить дело до конца. Тогда труд, может быть, выиграл бы в интересах такого единообразия, местами большей соразмерности объема отдельных статей, большей соразмерности жанров[...]

Критическая часть выступления касалась трех аспектов — полноты освещения, анализа русско-американских литературных связей и би-

блиографии. В качестве «материала для раздумий» Кашкин привел два «примера»:

> Первый пример вот какой. В статье о Торо почти ничего не сказано о стихах Торо. Это все равно, что говорить о баснописце Крылове и не сказать о пьесах Крылова. Конечно, это грубая аналогия. Автор статьи мне скажет: «А вообще говоря, есть ли стихи у Торо?» — Есть. А где они? Они были в разных изданиях, а более или менее полное их издание вышло, правда, в 1943 г., что снимает в известной степени ответственность с автора статьи, он не обязан был в то время располагать этим материалом, но это никак не снимает с Академии Наук ответственность за книгу, которую она сдаст в печать в 1946 году, через три года после того, как вышло то издание. И в свете последних указаний т. Сталина в беседе его с академиком Комаровым надо стараться, чтобы такие пробелы в дальнейшем были невозможны, чтобы книги, вышедшие в 1943 г., были бы на столе для работы. Для этого, может быть, сейчас нужно предпринять какие-то шаги, озаботиться, чтобы такая заявка была внесена, чтобы мы в первую очередь получили такую литературу.
>
> Второй пример. Нужно принципиально решить вопрос об аналогиях с русской литературой, об отражениях, перекличках и т. д. Тут нужно твердое решение – либо свести упоминание о русской литературе до необходимого библиографического минимума, либо говорить, скажем, о Толстом в связи с Эмерсоном, Торо и т.д. Ведь в некоторых статьях, скажем, о Купере, русская тема развернута, в других статьях — о Торо, об Эмерсоне, она снята. Я не претендую на то, чтобы она всюду была равномерна, но нужно решить для себя, то ли этот вопрос уводить в библиографию, то ли ставить более равномерно, по всем статьям. Если говорить о библиографии, то я считаю, что мне, рецензенту, не удалось получить список использованной литературы. А это сразу бы сняло с меня целый ряд вопросов. Я думаю, что наряду с рекомендательной библиографией, которая должна быть помещена в пределах этого тома, а не так, как в английской литературе, где она отнесена в другую часть, и читатель первой книги, может быть, никогда ее не увидит, нужно, чтобы кроме этой библиографии в процессе работы давать такие информационные краткие сводки использованной литературы, особенно оригинальных текстов и т. д.

К сожалению, к рекомендациям Кашкина не прислушались, и общая библиография труда была запланирована во втором – так и не вышедшем томе. В целом Кашкин дал высочайшую оценку первому опыту академической истории американской литературы: «Перед нами настолько ценная и крупная работа, что не хочется сейчас говорить о мелочах и деталях [...] история американской литературы заслуживает самой положительной оценки».

Отзыв отсутствовавшего В.М. Жирмунского (зачитанный Б.В. Горнунгом) был также положительным:

> Том представляется очень удачным и читается с большим интересом. Он заключает в себе много полезного информационного материала, который бу-

дет принят с сочувствием и вниманием всяким советским читателем, интересующимся Америкой (к которой у нас по понятным причинам – большой интерес). В этом смысле история американской литературы вполне отвечает своей задаче и будет существенной вехой в нашем знакомстве с американскими писателями и тем самым — с американским народом.

В ряде случаев, по моему впечатлению, эта историческая и культурно-общественная «информация» должна быть значительно расширена.

Некоторые главы остаются монографически изолированными. В ряде случаев это может быть исправлено внесением в них вступительных и заключительных абзацев, «заставок» и «концовок», ориентирующих читателя в месте данного раздела как главы единой книги…

Необходима также стилистическая редактура.

Из отдельных статей как наиболее интересные следует отметить статьи «Ирвинг» (автор А.А. Елистратова) и «Готорн» (автор Т.И. Сильман)[32].

Наиболее яркую речь произнесла Тамара Лазаревна Мотылева (1910–1992), активно поддержавшая работу коллег по отделу. Выпускница Московского государственного университета (1930), дочь еврейского общественного деятеля и революционера Л.Е. Мотылева, в 1930-е гг. она работала в Коминтерне; сотрудничала с Комакадемией как критик и литературовед (например, в начале 1930-х, сразу после университета, принимала участие в планировавшимся двухтомнике «Зарубежная пролетарская и революционная литература за 15 лет»[33]). В ИМЛИ Мотылева писала о Роллане, Т. Манне, специализировалась на связях русской и зарубежных литератур; через полгода после описываемых событий, 24 января 1947 г., она защитила в ИМЛИ докторскую диссертацию «Лев Толстой во французской литературе и критике». Похвалив авторов тома за методологическую и идеологическую выдержанность, Мотылева особое внимание уделила вопросу о русско-американских литературных связях:

Я позволю себе выступить в качестве неофициального рецензента. Мне представляется эта работа очень удачной, я бы сказала, одной из наиболее удачных, какие когда-либо утверждались Ученым Советом. Положительные качества данной работы следующие: во-первых, авторам удалось дать не только связное изложение хода основных событий истории американской литературы, но и поставить в систематическую связь события литературной жизни с событиями общественными. Таким образом, удалось дать цельное марксистское истолкование хода развития американской литературы. Очень положительной особенностью этой работы является то, что авторам удалось дать представление о богатстве, значении, величии американской литерату-

32. В стенограмме отзыв не приводится. Извлечение из отзыва В.М. Жирмунского в машинописной копии отложилось в другом деле: АРАН. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 62.

33. См.: АРАН. Ф.358. Оп. 2.Ед. хр. 425.

ры, и в то же время полным голосом сказать и о теневых сторонах буржуазной цивилизации в ее американской форме, о теневых сторонах капиталистического строя в его специфической американской форме. Тем самым авторы проявили ту принципиальность, которая требуется от советских ученых.

Несмотря на отсутствие полной монолитности, мне эта работа представляется очень ценной и обладающей очень высокими литературными качествами [...] а главное, что и в своем нынешнем виде работа читается хорошо, живо, ясно, четко сделана в литературном отношении и не страдает той некоторой академической сглаженностью, которая иногда несколько неприятно ощущалась в первом томе истории английской литературы. [...]

Но о некоторых пожеланиях я хотела бы сказать здесь, поскольку они выходят за пределы редакционных исправлений.

Прежде всего, присоединюсь к И.А. [Кашкину] относительно того, что весь факт русско-американских литературных взаимоотношений должен быть как-то больше раскрыт. Надо, чтобы была дана оценка американских писателей, данная русскими классиками, чтобы были отмечены отдельные случаи, когда произведения американских писателей получили отражение в русской литературе, чтобы каждый такой факт был не только отмечен, но и объяснено, в какой мере, скажем, Пушкин использовал в «Золотом петушке» фабулу Ирвинга, как он ее творчески переработал и т. д. Тут нужно не только указывать на факты, но и объяснять эти факты. И конечно, в тех случаях, когда американские писатели оказывали воздействие на формирование в целом облика русского писателя, как это было в случае Торо и Толстого, такие факты должны быть более развернуто отмечены и объяснены.

В истории американской литературы есть несколько ссылок на немецкое влияние на американскую литературу, это справедливо, но мне кажется, нужно, чтобы более ясно было сказано, какие именно стороны немецкой культуры отразились на культуре американской. Это нужно сделать в главе о трансценденталистах, где говорится о влиянии немецкой реалистической философии, но ведь это влияние было ограниченным и неполным, потому что в мировоззрении тренсценденталистов была та острая критика, которая не свойственна была немецкой реалистической философии. Так что здесь не только факт влияния, но и характер и границы его должны быть указаны с большей ясностью. [...]

Одно небольшое возражение, которое уже делалось мной к главе об Эдгаре По. Вся эта глава написана очень интересно, местами с блеском, характеристика Эдгара По-поэта сделана очень тонко, в некоторых отношениях блестяще, но характеристика Эдгара По-прозаика, его новеллистического творчества устремлена слишком в одну точку. Целиком отдавать его декадансу — жалко и не совсем оправданно, потому что в каждом большом художнике есть какие-то здоровые и отчетливые элементы. Есть они, конечно, и в Эдгаре По, но сводить совершенно его прозу только к кошмарам, всяким патологическим явлениям нельзя.

Есть предложения, касающиеся Бичер Стоу. Мне кажется, что «Хижина дяди Тома» — произведение, имеющее значение не только как факт аме-

риканской литературы, но и как факт международный, и как таковое, оно должно быть освещено более широко, больше его надо поднять, больше показать его значение не только в рамках аболиционистского движения, но и как произведения, поднимающего большие человеческие, общегуманистические вопросы; его значение для русской литературы.

Все эти мои предложения ни в коем случае не снижают ценности работы и не опровергают того, что эта работа в данном виде заслуживает утверждения.

В выступлении специалиста по античному театру, преподавателя ГИТИСа Валентина Владимировича Головни прозвучали те же вопросы, что и у И.А. Кашкина: они касались жанра академического издания, предполагавшего историографию вопроса и следование строгому академическому стилю изложения: В качестве образчика подлинного академизма В.В. Головня привел «Историю греческой литературы» М.М. Покровского:

Мне кажется, что в тех работах, которые выпускает Институт Академии Наук, обязательно в водной главе должно быть уделено место историографии вопроса. Не знаю, есть ли это у вас. Если нет исследований на русском языке, то мне кажется, что в этой главе, посвященной историографии, должно быть дано освещение вопроса, что сделано в области изучения американской литературы на Западе и в других странах.

И наконец, последний момент: каким должен быть самый характер изложения. Почему в тех работах, которые выпускал до сих пор Институт мировой литературы, иногда наблюдается смешение академического стиля изложения с другим, который ближе к тому, что мы называем научно-популярным. Мне кажется, что если этот момент здесь налицо, то все преимущества должны быть отданы стилю академическому. Конечно, не надо выпускать таких работ, которые будут читаться с большим трудом, которые будут скучны. Я думаю, что в этом отношении просто можно сослаться на одну из работ, которую выпустил Институт, на историю римской литературы, сделанную Покровским. Мне кажется, что это образец академического изложения. Может быть, кое-что покажется трудным для не специалистов, но скорее надо равняться именно по таким книгам.

Интересно, что в этом кратком выступлении как эхо методологических споров конца 1930-х прозвучал вопрос о принципах периодизации, о проблеме сочетания социально-исторического и собственно литературоведческого принципа, ориентированного на литературные стили и направления.

Я прошу разрешить одно недоразумение, которое у меня возникло в связи с тематикой и периодизацией. Мне бросилось в глаза, что тут мы имеем нарушение принципа этой периодизации, когда речь идет о литературе ранних пуританских поселений, как будто на первый план выступает хроно-

логический принцип, дальше речь идет о литературе эпохи Просвещения и буржуазной революции. Здесь мы имеем дело с хронологией, с одной стороны, с другой стороны, изложение не определяется только хронологией. Я плохо знаю американскую литературу, но мне кажется, что аболиционисты могли быть и романтиками. Когда вы говорите о литературе аболиционистов, здесь как будто упор делается на признаки, которые являются социально-политическими.

Сотрудник Пушкинского Дома русист Николай Кирьякович Пиксанов во время войны оказался в эвакуации в Ташкенте, где был зачислен в штат ИМЛИ; по окончании войны он еще до 1948 г. продолжал работать в Институте мировой литературы. Его небольшое выступление также в основном касалось вопроса о русско-американских связях:

Судя по тому, что я слышал, надо только радоваться, что такая работа сделана, закончена и может обсуждаться к печати. Остается только пожелать ей успеха[...] Я работы не читал, но кое-что посмотрел и выношу впечатление, что тут есть какие-то пробелы. Прежде всего, из доклада т. Старцева не совсем ясно, как ставится тема включения американской литературы в мировую литературу. Просто ли зарождается эта литература в своем собственном углу, независимо от мировых связей, или авторы имеют в виду эту проблему и как-то просто, во вводных ли главах или еще как-то, отвечают на этот законный и очень существенный вопрос. А затем для нас, русистов, еще вопрос о соотношениях с русской литературой. Тут уже упоминалось о том, что «Хижина дяди Тома» является для нас чрезвычайно близким и родственным, даже родным произведением, и «Хижина дяди Тома» настолько воспринята была русской литературой и русским обществом, что можно прямо сказать, что дядя Том сражался в рядах русских аболиционистов за освобождение русских крестьян. Между тем, когда я просматривал эту главу, я нашел только пять скупых строк, которые абсолютно не могут обусловить эту связь американской и русской литературы.

Не успел просмотреть, как и что говорится о восприятии Купера Белинским, но в произведениях Белинского Купер занимал большое место. Что касается Готорна, то в 5–6 строках, которые там даны относительно связи с русской литературой, упоминается только, что крупные произведения Готорна переводились на русский язык, и даже не сказано, что же именно. В одном месте сказано, что Добролюбов интересовался Готорном, но Готорном интересовался и Чернышевский. Мне кажется, что тут не просто цитировать надо, а надо в заключительных частях той или другой главы давать развернутые соображения об отношении данного писателя, данного круга писателей с русской литературой. Это вполне законное требование для истории американской литературы, выходящей на русском языке. Чувствуется, что это как-то недоделано, между тем это очень существенно относительно Ирвинга, Купера, Эдгара По, Готорна и Бичер-Стоу, да и других

писателей. Нечего и говорить, что если будет библиографический указатель дан к этой книге, то просто обязательно надо давать указания на старинные переводы этих писателей.

Последний из выступавших, проф. А.К. Дживелегов, один из тех ученых, что стояли у истоков проекта «всемирной литературы», настаивал на ценности исследовательской индивидуальности, выступив против идеи труда как «монолита», против унификации и единообразия стиля:

Очень много говорилось сегодня о стремлении к единообразию: нужно добиваться единообразия в стиле и в построении. В построении – я согласен. Редакционное единообразие, которое заключает в себе требование, чтобы все то, что методологическими соображениями подсказывается, было принято во внимание одинаково во всех частях — это, конечно, естественное требование. Но с чем я совершенно не могу примириться, это с требованием единства стиля изложения, т.е. того, что составляет индивидуальную особенность каждой статьи, каждого автора. Бороться за единство, требуя принести в жертву индивидуальность автора, это совершенно непозволительная вещь, и никакие требования единства стиля по-моему в этом отношении не могут быть до конца приняты.

Когда мы обсуждали этот том у нас в отделе, я говорил о том, что он производит такое цельное впечатление благодаря артистизму, который заключается в отдельных статьях, и это одно из самых драгоценных свойств всякого изложения литературно-художественного материала.

Требовать, чтобы автор пожертвовал своей чисто художественной, я бы сказал, литературной, творческой подачей, совершенно необязательно, и в этом отношении я бы очень возражал против чрезмерного требования единообразия. Я думаю, мы перед тем, как сдать в печать том, будем обсуждать его в отделе и многое из того, что тут говорится, мы примем во внимание. Но я бы думал, что наше общее впечатление о том, что том является большой удачей, в общем сохраняет свое значение.

В заключительном слове А.И. Старцев пообещал сделать библиографию (но поместить ее во 2-м томе), а также поработать над проблемой русско-американских связей. Подробнее всего он остановился на двух вопросах, которые поднимали все рецензенты — принципы периодизации и выбор стиля (академический — или научно-популярный):

В части периодизации: дело в том, что на самом деле здесь не имеется противоречия между наименованиями отдельных разделов в американской литературе на протяжении тех периодов, которые прошли европейские литературы, и их поэтому хочется перенести на развитие той литературы, которая сейчас как будто идет единообразно на том же уровне, начиная с того, что американская литература началась уже при наличии печатного станка.

Она не имеет, следовательно, предшествующих периодов. Литература XVIII века, которая у нас рассматривается в отделе, посвященном буржуазной революции, это и было началом американской художественной литературы. А весь предшествующий период – это литература в основном теологическая, пуританская поэзия, в которой авторы статей находят элементы литературы, которые определили в дальнейшем создание самостоятельной американской художественной литературы. Так что назвать этот раздел как-то иначе, обозначить какую-то формацию, которая соответствует европейской литературе, нельзя. В отношении того, что мы выделяем писателей- [аболиционистов], мне кажется, что если мы возьмем историю русской литературы, то тогда речь будет идти о Чернышевском, Добролюбове, Писареве, то вы их никак не назовете романтиками. Что касается того, что здесь не встречается раздел реалистической литературы, то в американской литературе развитие реализма в собственном смысле имеет место уже во второй половине столетия. Может быть, я совершил неосторожность, что зачитал только конспект первой половины, а второй том как раз начинается с американского реализма. Но я считаю, что это должно быть выдержано в форме несгибаемых схем перехода одной формации в другую.

Что касается стиля, то вопросы академизма, которые были затронуты, совершенно правильны. Что является правильным академическим стилем в отношении истории литературы, об этом можно спорить. Очень ценное содержание может быть заключено в очень сухих сжатых формулировках, но возможно, что некоторые из наиболее неудачных статей написаны в очень живой форме.

Первый том «Истории американской литературы» получил высокую оценку, как «ценная и крупная работа» и был принят к печати. В редколлегию труда вошли члены-корреспонденты АН СССР В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский, а также авторы тома — старшие научные сотрудники А.А. Елистратова и А.И. Старцев[34].

Осенью 1946 г. редколлегия тома была утверждена ОЛЯ[35]. Теперь предстояло доделать запланированный второй том, работа над которым была выполнена уже больше, чем наполовину. Второй американской том значился в плане ИМЛИ на 1946 г[36], однако в конце ноября 1946 г. на совещании дирекции по проверке работы сектора западной литературы было констатировано невыполнение плана по «теме № 38» — из запланированных 25 листов второго тома были написаны только 18. Срок сдачи труда перенесли на апрель 1947 г.[37]. Срыв сроков плановой работы объясняется, очевидно, ситуацией в авторском коллективе.

34. Протокол заседаний Ученого совета от 13.02.1945. АРАН. Ф. 397. Оп.1. Ед. хр. 132. Л.1.
35. Протокол заседания Ученого совета ИМЛИ от 11 октября 1946 г. АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л.116.
36. Протокол заседаний Ученого совета ИМЛИ от 17 января 1946 г. АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л.136.
37. Протокол совещания дирекции ИМЛИ с сектором западных литератур от 29.11.46. АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 144а. Л 193.

Два основных его участника — А.И. Старцев и А.А. Елистратова в это время защищают докторские диссертации[38], и на это ушли их силы и время в 1946 году; Т.И. Сильман вернулась в Ленинград и покинула проект. В итоге в 1946 г. коллектив оказался ослаблен, и работа затормозилась.

5. Тучи сгущаются

Неспешно шел и процесс издания первого тома, который вышел в свет только в мае 1947 г. – более чем через два года с момента утверждения к печати. Медлительность академического книгоиздания сыграла в судьбе «Истории американской литературы» роковую роль. Е.М. Евнина так оценивала ситуацию: «Беда этого труда заключалась в том, что он был начат еще во время войны, когда мы с США выступали единым фронтом против гитлеризма. Но из-за черепашьих издательских темпов книга появилась на свет в 1947 году – в момент обострения советско-американских отношений. И тогда спокойный, доброжелательный тон авторов тома по отношению к исследуемой ими американской литературе показался “руководящим товарищам” недопустимым»[39].

После Фултонской речи Черчилля (5 марта 1946 г.) и начала холодной войны антиамериканизм становится государственной политикой СССР. Набирает силу масштабная кампания антиамериканской пропаганды, к которой подключаются литературные институции[40]. Холодная война во внешней политике сопровождалась «закручиванием гаек» внутри страны, в том числе в области культуры и науки. В 1946 г. принимаются постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа), о фильме «Большая жизнь» (4 сентября) и т.д.

В таком контексте «Литгазета» оповещает о продолжении многотомных изданий по истории русской и зарубежных литератур:

> Издательство Академии наук СССР готовит к печати ряд книг по истории русской и мировой литературы: четвертый том «Истории русской литературы» (вторая половина XVIII в.) [...]; первый том «Истории русской критики» (XVIII в. и первая четверть XIX в.) [...]; первый том «Истории американской литературы», охватывающий период от первых американских поселений до середины XIX в. (коллектив авторов – научных сотрудников Института миро-

38. Старцев защитил диссертацию «Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века» 21 мая 1946 г., А.А. Елистратова – 27 декабря 1946 г. по теме «Английский реалистический роман эпохи Просвещения» (АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 95, 98).

39. *Яневич Н.* (= Евнина Е.М.) Институт мировой литературы... С. 101.

40. См. напр.: Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей. 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945-1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

вой литературы им. А.М. Горького, редакция чл.-корр. АН СССР В. Жирмунский, проф. А. Дживелегов и др.). Под редакцией В. Жирмунского, А. Дживелегова и др. выйдет также второй том «Истории английской литературы» (от Великой французской революции до 60-х гг. XIX в.). Авторы тома — научные сотрудники Института мировой литературы им. А.М. Горького [...][41].

Примечательно, что эта заметка появилось в том же номере «Литгазеты», где был напечатан доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». 18 июля 1947 г. «Правда» выступила с критикой ИМЛИ: институт обвиняли в аполитичности, в том, что он отстал от жизни, утратил боевитость и не выполняет главную задачу по изучению и пропаганде советской литературы[42]. А меньше чем за месяц до этого, 26 июня 1947 г. на XI пленуме правления Союза советских писателей А.А. Фадеев произнес речь, которая дала старт «наиболее крупной кампании 40-х гг., развернувшейся исключительно в области филологии, — осуждение академика А.Н. Веселовского и его школы»[43]. Речь Фадеева, составленная в полном соответствии с духом времени (нарастание «великорусского шовинизма» и борьба с «низкопоклонством перед Западом»), была направлена против «попугаев Веселовского», его «слепых апологетов», в первую очередь, против директора ИМЛИ, одного из учеников Веселовского и толкователя его наследия (напр., брошюра «Александр Веселовский и русская литература» Л., 1946) В.Ф. Шишмарева. По предположению П.А. Дружинина, кампания против «веселовщины» зародилась «в недрах ИМЛИ», с подачи В.Я. Кирпотина (до февраля 1947 г. – заместителя директора ИМЛИ), во многом как ведомственная интрига, отражающая «не лучшее отношение Кирпотина к Шишмареву»[44]. На закрытии пленума ССП 3 июля 1947 г. Фадеев снова обратился к вопросу о Веселовском, насаждавшем преклонение перед западной культурой и наукой, и назвал в числе «попугаев Веселовского» В.М. Жирмунского и Б.М. Эйхенбаума. Дальше процесс пошел лавинообразно: «Вместе с ширившимся обсуждением “реакционной школы Веселовского” в круговорот дискуссии попадали все новые и новые последователи его идей, которые также неизбежно “пресмыкались перед Западом”. Почти сразу к академику В.Ф. Шишмареву прибавился В.М. Жирмунский, затем М.П. Алексеев, Б.М. Эйхенбаум, В.Я. Пропп, С.С. Мокульский и т.д.; список этот увеличивался постоянно»[45].

41. В издательстве Академии наук // Литературная газета. 1946. 21 сентября. № 39. С. 4.
42. *Потапов К.* Институт, оторванный от жизни // Правда. 1947. 28 июля. № 184. С. 3.
43. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 345. О начале, ходе и итогах кампании см. указ. соч. С. 345–364.
44. Там же. С. 350.
45. Там же. С. 358–359.

Эти события имели самое прямое отношение к продолжавшейся в академических институтах Ленинграда и Москвы работе над серией трудов по мировой литературе. Шельмование Жирмунского и Шишмарева, а затем и целого ряда ведущих литературоведов-«западников» ставило под удар саму идею этого проекта или, как минимум, поднимало вопросы о его своевременности, о необходимости срочного пересмотра тех принципов, которые были заложены в его основу. После 1947 г., пока в СССР громили «веселовщину», «низкопоклонство перед Западом», а затем и «безродных космополитов», издание академических историй западных литератур было на несколько лет прекращено. Второй том «Истории американской литературы» так и не вышел.

«Приговор» Веселовскому и его школе был подтвержден 11 марта 1948 г. в редакционной статье газеты «Культура и жизнь»[46] — органе Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). За полгода до этого, 21 сентября 1947 г., та же «Культура и жизнь» поместила разгромную рецензию А. Лейтеса на первый том «Истории американской литературы», которая наложила фактический запрет на издание и оказала существенное влияние на судьбы его авторов и траекторию отечественной американистики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуются разделы составленной А.И. Старцевым в 1941 г. «схемы-плана» «Истории американской литературы», соответствующие второму (не вышедшему) тому издания. Первый том включил часть I плана — «От времени первых английских поселений (XVIII в.) до победы буржуазной революции», а часть II была сокращена: план предполагал ее границы «От победы буржуазной революции до начала эпохи империализма», в томе подвели черту раньше: «...до гражданской войны Севера и Юга». Соответственно, завершающий (в плане он третий) отдел II части перешел во второй том.

46. Против буржуазного либерализма в литературоведении: по поводу дискуссии об А. Веселовском // Культура и жизнь. 1948. 11 марта.

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (СХЕМА-ПЛАН)[47]

[Часть II]

Отдел 3. Формирование американского реализма.

Введение

Победа Севера в гражданской войне и завершение задач буржуазно-демократической революции. «Акт о гомстедах» и разрешение вопроса о «свободных землях». Разгром и буржуазная «реконструкция» плантаторского Юга. Экономическое объединение страны и «грюндерское» развитие американской промышленности. Рост буржуазного господства и капиталистической эксплоатации народных масс. Филистерский оптимизм американского буржуазного общества, его уверенность в «гармоничности» своего развития: «Так как здесь пока еще не было классов с противоречивыми интересами, то... буржуа вообразили, что Америка стоит выше антагонизма и борьбы классов» (Энгельс)[48]. Утопические представления народных масс о «непреходящести» благоприятных экономических и социальных условий американской жизни и первостепенное значение этих идеологических пережитков демократического периода развития США в развитии американской культуры и литературы. Кризис романтического неприятия буржуазного прогресса и поворот американских писателей к реалистическому изображению жизни. Отношение нового американского реалистического направления (Уитмен, Твен) к раннему реализму 30-40-х годов, близко связанному с европейским литературным развитием. (Объем ¼ листа)

1. Демократический реализм Твена и Уитмена

Выдающееся значение творчества Твена и Уитмена и развитие американской национальной литературы. Художественно-оригинальные черты демократического реализма Твена и Уитмена как выражение демократических элементов американской народной жизни и культуры. Реалистические черты американского фольклора и его отрыв от «большой литературы» в первой половине XIX века. Демократический герой американского фольклора. Проблема «американского юмора»; связь его с фольклорной традицией. Культура «границы» и реалистический газетный очерк-анекдот 30—40-х годов (Лонгстрит, Болдуин и

47. Текст приводится по: АРАН. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 23.

48. Ф. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой. 3 июня 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 36. С. 417. Здесь и далее примечания публикаторов.

др.). Отражение исторических черт развития и кризиса американской демократии в творчестве Твена и Уитмена. Проявление классического реализма в их творчестве.

Уолт Уитмен (1819–1892). Поэзия Уитмена как художественное обобщение исторически прогрессивных черт в развитии американского буржуазного общества. Тема труда, покорения природы и демократического строительства в стихах Уитмена («Пионеры» и «Песня о топоре»). Тема науки и индустриального прогресса и отказ от антитезы «природа-машина». Тема равенства и человеческого достоинства. Пафос единства индивидуума с природой и обществом. Безличный герой («камерадо») и проблема индивидуализма в поэзии Уитмена. Революционно-демократические мотивы у Уитмена (мотивы гражданской войны и перекличка с революционно-демократическим движением 48-го года в Европе). Вера Уитмена в «исключительность» американского развития и утопические элементы его мировоззрения. Мистический пантеизм и космизм Уитмена и его связь с трансценденталистами. Конфликт между поэтическим идеалом Уитмена и американской буржуазной действительностью («Перспективы демократии»). Художественное новаторство Уитмена. Реалистическая поэтика Уитмена, вводящая в круг поэтического переживания «прозаическую» реальность труда, борьбы, конкретной человеческой деятельности. Просодическое новаторство Уитмена, заостренное против условных форм поэтического выражения («феодальные побрякушки»). Влияние Уитмена на европейскую поэзию. Уитмен в России. Художественное наследие Уитмена и поэзия социализма.

Марк Твен (1835–1910). Биография Твена и типические черты американской жизни XIX века. «Литературное воспитание» Твена и ранняя журналистика. Школа «западного юмора» (Артимес Уорд, Биллингс и др.). «Простаки за границей» как полемика с колониальной традицией в американской культуре (преклонение перед европейской культурой в ущерб американской). Утверждение «американской темы» в «Закаленных» и сатирико-юмористическая трактовка грюндерства в «Золоченом веке». Эпос реки Миссисипи («Том Сойер», «Гекльберри Финн», «Старые времена на Миссисипи») как реалистическое изображение старосветско-демократический Америки. Ретроспективность изображения. Поэтичность «эпоса реки Миссисипи». Отношение реалистического повествовательного стиля Твена к американской фольклорной традиции. Эволюция моралистики Твена от комического гротеска к психологическому и гуманистическому юмору характе-

ров. Демократический герой Твена. Твен и создание американского литературного языка (отход от традиции английской прозы). Твен и новейшая американская проза («Вся американская литература вышла из Геккельберри Финна» — Хемингуэй).

Отражение кризиса американской буржуазной демократии в идейном развитии и творчестве Твена. Исторические повести-аллегории («Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура») и нарастание социального протеста. Сатирическая антикапиталистическая направленность позднейших произведений Твена. Критическая переоценка буржуазного прогресса и пессимизм Твена («Таинственный незнакомец»). Проблема Твена в свете посмертной «твенианы» и споры вокруг его личности и творчества. (Объем 4 листа).

2. «Брамины».

Эволюция старосветско-аристократических кругов новоанглийской буржуазии («брамины») к умеренному либерализму и примирению с промышленным прогрессом. Пережитки пуританской религиозно-этической традиции и викторианство в Америке. Настороженно-враждебное отношение писателей-«браминов» к демократическим идеям и охрана «респектабельности» буржуазного порядка (критика заскорузлости и вульгарности буржуа-янки). Академизм «браминов». «Брамины» и Гарвардский университет. Их связи с европейской буржуазной культурой (в частности, близость к позитивистскому направлению в английской литературе второй половины XIX века). «Атлантик Мансли» – литературный орган «браминов».

[Генри Уодсворт] Лонгфелло (1807–1882). Условность романтических мотивов в поэзии Лонгфелло и ее буржуазно-морализующая тенденция. Филантропические мотивы ранних «Песен о рабстве». Лонгфелло – поэт примирения с судьбой и радостей домашнего очага – типическая фигура «викторианской» культуры в США. Переводческая деятельность Лонгфелло. Попытки создания национального эпоса («Евангеллина», «Сватовство Майльса Стендиша»). «Песнь о Гайавате» и вопрос об индейской культуре в Америке. Художественные достоинства «Гайаваты» и популярность поэмы в мировой литературе. Тенденциозная обработка индейского фольклора в «Гайавате».

Оливер Уэндел Холмс (1809–1894). «Беседы за чайным столом» Холмса и либеральное опошление революционных традиций XVIII века в американской буржуазной культуре. Позитивизм Холмса и критика религиозной догмы и ханжеской морали («Элси Веннер»). Апология

буржуазного порядка в его «американском варианте» («янки-викторианец»). Элементы пассеизма у Холмса. Юмор Холмса и литературные достоинства его эссея и стихов.

Джеймс Рессел Лоуэлл (1819–1891). Политический радикализм Лоуэлла в 40-х годах и связь с аболиционистским движением («Нынешний кризис» и др. стихи). «Письма Биглоу» и близость Лоуэлла к буржуазно-демократическому направлению в американской литературе. Переход на позиции буржуазного либерализма в годы после гражданской войны. Враждебное отношение к рабочему и фермерскому движению. Консерватизм деятельности Лоуэлла-критика.

Молодые «брамины» круга «Атлантик Мансли» (Олдрич, Стедманн, Гилдер, молодой Гоуэллс и др.); буржуазно-филистерская школа американского викторианства.

Поэзия ***Эмили Диккинсон (1830–1886)*** и распад пуританского идеала личной жизни. Замкнутый мир интимной лирики Диккинсон. Религиозно-философские мотивы и наследие трансцендентализма. Конфликт пуританского идеала с непосредственными жизненными идеалами личности и реальность поэтического мира Диккинсон. Влияние поэзии Диккинсон на новейшую американскую поэзию. (Объем 1 ½ листа).

3. Брет Гарт и областники

Неравномерность развития капитализма и разнотипность утверждения буржуазного порядка в различных частях и районах США. Резко выраженное различие в характере столкновения новых и старых форм жизни (Юг, фермерские штаты, Калифорния и т.д.). Наступление консерватизма и судьба консервативно-старосветской культуры провинции. Борьба старого и нового в творчестве областников и критика буржуазного порядка. Народнические иллюзии и провинциализм областников. Поиски «местного колорита» и литература на «диалекте». Интерес к фольклору. Связь областников с европейской реалистической литературой и значение их творчества для американского реализма.

Брет Гарт (1836–1902). Драматическая история калифорнийского золота и американский капитализм. Сан-Франциско как культурный центр тихоокеанского побережья и журнал Гарта «Оверланд Мансли». Идеализация старательской демократии в творчестве Гарта как форма протеста против буржуазной эксплоатации. Демократический герой Гарта и его парадоксальные черты. Имморализм Гарта и критика буржуазно-собственнической морали. Реализм школы Диккенса и его влияние на реалистический стиль Гарта. Скептицизм Гарта и его не-

причастность к «американскому оптимизму» как социальному мировоззрению. Гуманистический юмор Гарта и его отношение к американской юмористической традиции. Романтика строительства и условно-живописные элементы в творчестве Гарта. Дальнейшее развитие этих мотивов в буржуазной литературе (ковбойская романтика «дикого Запада»). Баллады Гарта на диалекте и областническая поэзия («Баллады Пайк Кантри» Джона Гэя и др.). Писатели европейской революционной демократии о Гарте (Фрейлиграт, Чернышевский).

Хоакин Миллер (1839–1913). Американский Запад («граница») в стихах Миллера и попытка создания национального эпоса («Песни Сьерры»). Провинциализм философии национального искусства и поэтической миссии у Миллера. Романтико-мистические мотивы («религия природы»). Демократические социальные мотивы поэзии Миллера (защита индейцев и угнетенных наций). Стихи «поэта-ковбоя» в высокой лирике английских прерафаэлитов. Культурно-бытовая ценность мемуаров Миллера («Жизнь среди модоков»).

Джордж Кейбл (1844–1925). Сравнительное рассмотрение положительных и отрицательных черт старого (патриархально-рабовладельческого) и нового (буржуазно-демократического) порядка как основная проблема творчества Кейбла. «Старые креольские дни» и романтика старосветской Луизианы. «Джон Марч, южанин» – роман о послевоенном Юге и прозаическая стихия буржуазной жизни. Политический разрыв Кейбла с Югом. Связь юмористики Кейбла с «западным юмором». Франко-испанская культурная традиция Луизианы и связь Кейбла с французской литературой (Гюго, Мериме).

Джоэл Гаррис (1848–1908) и негритянский афро-американский фольклор. «Сказки дядюшки Римуса» и поэзия негров-рабов в американской литературе. Характерные изменения мотивов примитивного эпоса в условиях плантаторско-буржуазной цивилизации. Негр-рассказчик у Гарриса (дядюшка Римус) как моралист патриархально-старосветского мира. Поэтический юмор цикла рассказов о животных. Негритянско-английский диалект Гарриса. Гаррис и демократические элементы Юга («бедные белые»).

Песня негров-рабов. Духовный гимн («спиричуэлс») лирический романс («блюз»). Негритянская песня и баллада у Гарриса и Ирвина Рассела.

Сидней Ланьер (1842–1881) и поэзия послевоенного Юга. Гражданская война и поэты плантаторского Юга (Тимрод и др.).Столкновение романтической традиции и реалистических тенденций областничества

в стихах Ланьера. Протест против буржуазно-капиталистического порядка («Симфония», «Зерно»). Позитивистский характер религиозных и эстетических исканий Ланьера («Гленские болота»). Близость Ланьера к викторианской английской поэзии (Теннисон и прерафаэлиты). Ланьер и молодое поколение Юга. Место лирики Ланьера в американской поэзии.

Сара Орн Джуэт (1849–1909) и Новая Англия. Идеализация уходящего мещанско-патриархального и пуританского уклада Новой Англии в рассказах и повестях Джуэт («Страна острых сосен» и др.). Элегичность творчества Джуэт и ограниченность ее социальных интересов. Героиня рассказов Джуэт и образ женщины в американской литературе. Поэтизация «обыденной жизни» и связь Джуэт с английским реализмом (ср. «Кренфорд» Гаскел). Поэзия американской природы и творчество Джуэт.

[Эвдард] Эггльстон (1837–1902) и «средний Запад» (фермерские штаты). «Учитель из Индианы» и начало реалистического бытового романа из жизни американской деревни. Изображение отрицательных черт фермерской жизни у Эггльстона в противовес «американской романтике». Эггльстон как предшественник фермерского натурализма 80-90-х годов. (Объем 2 ½ листа).

ЧАСТЬ III.
От начала эпохи империализма (80-е гг.) до первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции

Отдел 1. Кризис буржуазно-демократических иллюзий и борьба за реалистический социальный роман в конце века

Введение

Установление безраздельного господства финансового капитала и кризис американской общественной жизни в 80-х годах («последний буржуазный рай на земле быстро превращается в чистилище». Энгельс[49]). Исчерпание фонда «свободных земель» и фермерское движение. Рост противоречий города и деревни. Порабощение рабочего класса («в более циничной форме, чем в какой-либо иной стране». Энгельс[50]) и классовые бои 80-90-х годов. «Геймаркетская трагедия» в Чикаго. Рост социалистического движения и влияние социалистиче-

49. Ф. Энгельс – Ф. Келли-Вишневецкой. 3 июня 1886 г.
50. Авторство указано ошибочно. Приведена цит. из: К. Маркс – Фридриху Адольфу Зорге 20 июня 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 165.

ских идей на американскую мелокбуржуазную интеллигенцию. «Прогресс и бедность» Генри Джорджа (1880) и «Взгляд назад» Беллами (1888). Английский позитивизм и агностицизм в Америке. Борьба за реализм в американской литературе и влияние европейского критико-реалистического романа и драмы (Тургенев, Толстой, Ибсен, Гарди, Золя). Свободный театр и натуралистическая драма в США. Споры о реализме в американской критике.

[Уильям Дин] Гоуэллс (1837–1920). Связь молодого Гоуэллса с кругом «браминов» и доктрина «сдержанного реализма». Пережитки демократических иллюзий «американизма» у Гоуэллса и идеализация американской действительности («наиболее лучезарный взгляд на жизнь есть наиболее американский»[51]). Широкая картина американской жизни в романах Гоуэллса («Случайное знакомство», «Неоткрытая страна» и т.д.) и защита «поэзии будничного». Тривиальные стороны «сдержанного реализма». Сглаженность социальной характеристики буржуазного предпринимателя в «Карьере Сайлеса Лэпема». Кризис 80-х годов и поворот во взглядах Гоуэллса. Изображение противоречий американской жизни и критика капиталистического строя в «Рискованной игре». Социалистические утопии Гоэуллса («Путешественник из Альтрурии», «Сквозь игольное ушко»). Мелкобуржуазно-филантропические черты социализма Гоуэллса. Толстовство Гоуэллса (поддержка реалистического направления в американской литературе и пропаганда творчества европейских писателей-реалистов).

Гемлин Гарленд (1860–[1940]). Биография Гарленда и кризис американской деревни в 80-х годах. Участие в «популистском» движении и влияние идей Генри Джорджа. «Проезжие дороги» Гарленда как поворотный пункт в изображении американского фермерства. Крах оптимистического идеала «свободного человека на свободной земле»[52]. Социальный протест в «Проезжих дорогах» и наглядная демонстрация классовых противоречий («уроки политический экономии»[53]). «Рушащиеся идолы» и отстаивание «беспощадно-правдивого» идейно насыщенного и тенденциозного искусства («веритизм»). Схематизм натуралистических «агиток» Гарленда. Переход Гарленда на либерально-народнические позиции. Социально-бытовое значение мемуаров Гарленда («Сын средней границы» и др.).

51. “The more smiling aspects of life which are the most American” (Howells W.D. “Editor’s Study”.*Harper’s Monthly*. 1886. № 73, pp. 641–642).

52. Девиз партии фрисойлеров (Free Soil Party, 1848–1854) – «Free Soil, Free Speech, Free Labor and Free Man».

53. Цит. из рецензии У.Д. Хоуэллса (Howells W.D.“Editor’s Study”. *Harper’s Monthly*. 1891. August. № 83. P. 629–642) на сборник Х. Гарленда «Проезжие дороги» (Main-Travelled Roads): Хоуэллс назвал рассказ «Under the Lion’s Paw» «уроком политической экономии» («... lesson in political economy, as well as a tragedy of the darkest coast»).

Социальный роман 80-х годов. «Зури, хуже всех в Спринге» ***Джозефа Кирклендa*** и кризис «буколической традиции». Влияние Гарди на Кирклендa и натуралистические тенденции в его творчестве. «История маленького города» ***Эдгара Гоу*** и развенчание идеала гармоничности американского социального уклада. Влияние книги Гоу на новейшую американскую литературу. «Гибель Терона Уэра» ***Гарольда Фредерика*** и разоблачение духовного убожества американской деревенской жизни. Сумрачный колорит фермерского романа и фаталистический мотив социальной обреченности. «Демократия» Генри Адамса и критика политического строя американской буржуазной демократии. «Добытчики» ***Джона Гэя***: защита господствующих классов в их борьбе с рабочим движением. «Герцог Стокбриджский» ***Беллами*** (изображение восстания Шейса) и отзвуки современной классовой борьбы в историческом романе. Поток социальных утопий в конце века.

Натуралистические мотивы в поэзии Вильяма Муди (1869-1910) («Глостерские болота»). Пессимистическая оценка буржуазной цивилизации. Антиимпериалистические стихи Муди («Солдату, павшему на Филиппинах» и др.). Социальный протест в поэзии Эдвина Маркхема «Человек с киркой» (поэма по мотивам картины Милле) и защита эксплуатируемого труженика. Народнические тенденции у Маркхема. Поэзия Денбара и протест против угнетения негров. Национально-освободительные мотивы у Денбара. Общее тяготение демократической поэзии конца века к поэтической традиции Уитмена.

Фрэнк Норрис (1870–1902). Защита принципов натурализма и творческой практики Золя в критических статьях Норриса (»Ответственность романиста»). Программа социального романа и план «Эпоса пшеницы» как попытка обобщения социальных противоречий американской жизни. Борьба фермеров против кабалы банков в «Спруте» и антикапиталистический протест Норриса. Фаталистическая символика у Норриса, пессимистический характер его социального детерминизма. «Мак Тиг» – «история дурных людей, погубленных насмешливой судьбой». Апелляция к «биологический основе жизни». Урбанизм «Спрута» и биржа как объект художественного изображения. Элементы апологии капиталиста как могучего практического деятеля. Норрис и американский социальный роман.

Стивен Крейн (1871–1900) и «европеизация» американской литературы. Бауэри (трущобы Нью-Йорка) и натуралистические картины городского «дна» в «Мэгги», «Этюде о нищете» и др. произведениях Крейна. «Аморализм» Крейна как форма критики лицемерия буржу-

азной морали. Общая характеристика капиталистической цивилизации как античеловечной и бессмысленной. Абстрактный пацифизм Крейна и де-героизация войны в «Алом знаке доблести» в сопоставлении с американской империалистической литературой 90-х годов. Анонимность героя и «унанимистские» мотивы в поэтике Крейна. Отчужденность Крейна от доктринерской стороны натуралистической школы и тяготение к замкнуто-лирическому переживанию. Крейн и новелла конца XIX века (Мопассан, Чехов). Стихи Крейна («Черные всадники»). Черты декаданса в творчестве Крейна.

Генри Джеймс (1843–1916). Изгнанничество Джеймса и кризис американской культурной жизни во второй половине XIX века. Тезис об анти-поэтичности американской буржуазной действительности и обвинительный акт против американской цивилизации в книге Джеймса о Готорне. Ученичество Джеймса у Флобера и Тургенева и защита реалистического романа. Американцы в Старом Свете и взаимоотношение двух культур как основная тема творчества Джеймса («Родерик Гудзон», «Американец», «Дэзи Миллер» и др.). Ограниченность сферы интересов Джеймса жизнью имущих классов. Социальный снобизм его героев. Буржуазно-упадочный характер социальной философии Джеймса и выдающееся место идеализированного рантье в мире его интересов. Эстетизм Джеймса. Маньеризм изощренного психологического анализа в его позднейших произведениях («Золотая чаша» и др.). Тема художника и искусства у Джеймса. Влияние психологизма Джеймса на новейшую буржуазную литературу.

Генри Адамс (1838–1918). Место семьи Адамсов в истории буржуазной Америки и «исторический пессимизм» Генри Адамса в связи с кризисом буржуазной цивилизации («переход от демократии к плутократии»[54]). «Монт Сен Мишель» и «Воспитание Генри Адамса» и поиски «органического» социального порядка. Осуждение капиталистического строя в «Воспитании». Роль книги Адамса в послевоенной американской литературе. (Объем 5 листов).

Отдел 2. Буржуазная реакция и литература

1. Литература американского империализма

Выступление США на мировую арену в 90-х годах и попытка буржуазных идеологов представить империалистическую политику как продолжение традиции американского «пионерства». Квазиисторич-

54. Цит. из У.Г. Самнера, автора эссе «Демократия и плутократия», соч. «Политическая теория» и др., в которых он постоянно использует эти понятия.

ский авантюрный роман (Черчилль, Джонстон и др.) на службе империалистической пропаганды. Рузвельт и литература «красной крови». Джингоистская поэзия Ричарда Хови («Слова господа из Гаванны» и др.). Лакировка противоречий буржуазного строя и массовая буржуазная пропаганда в американской желтой прессе. «Субботняя вечерняя почта»[55] и организованный подкуп писателей. «Письма купца, который сам выбился в люди, своему сыну» Лорримера и социально-демагогический жанр «деловой повести» (воспитание буржуазного предпринимателя из «низов»). Реакционные направления буржуазной мысли эпохи империализма и давление индивидуалистической философии («социальный дарвинизм», «ницшеанство» и пр.) на молодое поколение писателей-реалистов (Лондон, Драйзер). Соединение поповщины и делячества в «американской философии» прагматизма.

2. Нео-романтики и О. Генри

Характерные противоречия идеологии нео-романтизма: попытки преодоления буржуазной цивилизации, как механической и античеловечной, на почве буржуазного же индивидуализма; антидемократизм нео-романтиков и тяготение к реакции. Влечение к романтической традиции. Мистические мотивы. Значение эстетики нео-романтизма для современной американской буржуазной литературы (эпигоны Бирса, О.Генри и его школа).

Лафкадио Хирн (1850–1904). Критика буржуазно-промышленной цивилизации и странствия Хирна в поисках до-буржуазного уклада жизни (южные штаты – Мартиника – Япония). Влечение к экзотике и примитиву. Тема Японии в творчестве Хирна («кокоро» и др.) и «ориентализм» в буржуазной литературе XX века. Враждебность Хирна демократии и социалистическим идеям. Пессимизм Хирна.

Амброз Бирс (1842–1914). Нигилистический пессимизм Бирса и ненависть к буржуазно-мещанской цивилизации. Жанр «кошмара и ужаса» как эстетическая форма отрицания действительности. Социально-сатирические мотивы в творчестве Бирса («Словарь сатаны» и др.). Мистическое и патологическое у Бирса. Артистизм и эстетика уродливого. Реакционность Бирса. Возрождение Бирса-сатирика в послевоенной американской литературе.

О. Генри (1862–1910) и американская литература «воскресного приложения». Отзвуки нео-романтизма у О. Генри в форме поверхностной романтизации обыденного. Фиктивный характер жизненных противо-

55. Еженедельник «Saturday Evening Post».

речий, разрешаемых в рассказах О. Генри. Сентиментально-утешающая функция его «американской философии жизни». Счастливый случай как закон художественной композиции. Урбанистическая Америка XX века в нью-йоркских рассказах О. Генри. Элементы социальной сатиры и гуманистического юмора у О. Генри и разрушающее влияние буржуазной идеологии на его творчество.

Отдел 3. Критический реализм XX века

Теодор Драйзер (1871–[1945]). Натуралистическая доктрина молодого Драйзера и критика американской жизни в «Сестре Керри» и «Дженни Гергардт». «Трилогия желания» и попытка Драйзера нарисовать закономерности общественной жизни как биологическую борьбу за существование. Широкая картина развития американского капитализма в «Титане» и «Финансисте». Разоблачение буржуазного общества. Документальность изложения. Образ художника в американском обществе («Гений»). Послевоенный кризис капитализма и пересмотр Драйзером его взгляда на законы общественной жизни. «Американская трагедия» – обвинительный акт против буржуазной цивилизации. Гибель «маленького человека» (Клайд Гриффитс) в джунглях капиталистического общества. Драйзер и социализм; критика буржуазной демократии («Трагическая Америка» и другие публицистические произведения). Драйзер – друг советского народа.

Джек Лондон (1876–1916). Героика человеческого мужества и пафос покорения природы в ранних произведениях Лондона (золотоискательский цикл и рассказы о животных). «Последняя граница» (Аляска) и реминисценции американского «пионерства». Борьба ницшеанско-индивидуалистических и общественно-прогрессивных мотивов в творчестве Лондона («Мартин Иден», «Морской волк» и др.). Конфликт героя Лондона с буржуазно-мещанской средой и поиски путей гармонического развития личности. Отсталость рабочего движения в США и осложненность социалистических идей Лондона мелкобуржуазно-анархистскими тенденциями. Социальная утопия Лондона. Роман «Железная пята», овеянный духом классовой борьбы. Социалистическая публицистика Лондона и европейский революционный читатель. Давление буржуазной идеологии на Лондона в последний период («Маленькая хозяйка большого дома» и др.).

«Разгребатели грязи» и Эптон Синклер (1878–[1968]). Антикапиталистическая журналистика и проблемный, памфлетно-разоблачительный

роман начала века («разгребатели грязи»). «Воспоминания американского гражданина» Геррика и разоблачение бесчестности американского буржуа-дельца. «Сливовое дерево» Филипса, «Босс» Альфреда Льюиса, «Карьера мистера Крю» Черчилля и разоблачение коррумпированности буржуазной политики. «Сюзанна Ленокс» Филипса, «Евангелие свободы» Геррика и разоблачение неравноправия женщины в американском буржуазном обществе. Реформистская тенденция беллетристики «разгребателей грязи». Иддейно-политическая основа «разгребания грязи» и «Автобиография» Линкольна Стеффенса.

«Джунгли» Синклера – первая книга из жизни американского рабочего класса. Влияние христианско-филантропических идей на Синклера и наивные стороны его социально-преобразовательных планов. Сильное и слабое в социализме Синклера (Ленин о Синклере как о «социалисте чувства»[56]).«Дневник Артура Стирлинга» и трагическое положение искусства в буржуазном мире. Идея социальной справедливости в творчестве Синклера («Король Уголь» и др.). «Джимми Хиггинс» как выражение пролетарского интернационализма. Развернутая критика пороков американского капитализма в послевоенных романах-памфлетах и публицистике Синклера («100%», «Медная марка» и др.). Современная Америка в социальном романе Синклера («Нефть», «Бостон», «Малая сталь» и др.). Синклер – друг рабочего движения в СССР.

Поэты-реалисты. Э.А. Робинсон и английская поэтическая традиция в Америке. «Портретная галерея» американцев («Ричард Кори» и др.). Пессимистическое раздумье Робинсона по поводу духовного вырождения американской жизни. «Антология Спун-Ривер» Эдгара Ли Мастерса и крах поэзии «американского оптимизма». Сатирические мотивы эпитафий Мастерса и послевоенный социальный роман 20-х годов. Американский фольклор в поэзии Ричарда Линдсея и «религия красоты». Урбанистическая поэзия Карла Сэндберга («Дым и сталь», «Чикаго» и др.) и уитменовская традиция в американской литературе. Антикапиталистическая направленность и революционные мотивы поэзии Сэндберга. Интерес Сэндберга к фольклору.

Революционная массовая песня американского рабочего движения и рабочий фольклор. Сатирическая песня Джо Гилла. Рабочий фольклор негров (цикл песен о Джоне Генри). (Объем 6 листов).

56. *Ленин В.И.* Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 270–271.

ЧАСТЬ IV. Очерк современной американской литературы (1917–1940)

Мировая война 1914—1918 гг. и Октябрьская социалистическая революция. Всеобщий кризис капитализма и подъем революционного движения в США. Загнивание буржуазной культуры и послевоенный кризис буржуазного сознания. Два мира, две культуры; роль народов Советского Союза как авангарда человечества. Расслоение буржуазной интеллигенции. Мастера культуры против буржуазного варварства. Борьба капиталистических держав за передел мира и вторая империалистическая война.

Анти-милитаристская литература первой империалистической войны. Идея интернациональной солидарности в романе Синклера «Джимми Хиггинс». Его мировая популярность. Борьба социалистической интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Массы», с шовинистическим угаром и империалистической пропагандой. Антимилитаристские стихи Сэндберга. Американская экспедиционная армия в пацифистских романах «Три солдата» ***Дос Пассоса*** и «Огромная комната» ***Каммингса.*** Джон Рид и защита идей международной пролетарской солидарности в американской литературе.

«Люди 20-х годов» и антикапиталистический протест в новейшей американской литературе. Платформа людей 20-х годов: «где капиталы создаются, там человек гибнет». Сборник Стирнса «Цивилизация в Соединенных Штатах».

Социально-сатирический роман ***Синклера Льюиса.*** Обличение ничтожности и духовного убожества буржуазной цивилизации в Америке. «Главная улица» и картина жизни американского мещанства. Портрет «стандартного» американского буржуа в «Мистере Бэббите». Наука и религия в капиталистической Америке («Мартин Эрроусмит», «Эльмер Гантри»). Связь Синклера Льюиса с буржуазно-радикальной журналистикой (Менкен) и социальная ограниченность его сатиры. «Американа» Менкена как реальный фон социальной критики Синклера Льюиса. Журнал Менкена «Америкен Меркюри». ***Ван Вик Брукс*** и антикапиталистическое направление в американской критике. Книги В.В. Брукса о Твене и Джеймсе. Влияние фрейдистских идей на В.В. Брукса и его круг.

Американский «Городок Окуров» в творчестве Шервуда Андерсона («Уайнсбург, Огайо», «Лошади и люди» и др.). Тяготение Андерсона к патриархальному укладу жизни и проповедь «машиноборчества» как

борьбы с капиталистической цивилизацией. Отражение борьбы рабочего класса в романах Андерсона («Марширующие люди», «За пределами желания»). Жанр психологической новеллы у Андерсона. Пессимизм Андерсона и фрейдистское истолкование кризиса индивидуального сознания в буржуазном мире.

Творчество ***Уолдо Френка, Ван Хекта*** и других «людей 20-х годов». Их дальнейшая эволюция.

Романы ***Уиллы Кэсер*** («Моя Антония», «О, пионеры»).

Творчество ***Эдит Уортон, Д.Б. Кэбелла, Герджесгеймера*** и судьба буржуазного искусства в Америке. Идеализация жизни и интересов господствующих классов в романах Уортон. Условная романтика Герджесгеймера. Аристократический нигилизм Кэбелла. Тяготение молодого поколения буржуазной литературы к католицизму и смыкание с политической реакцией («неогуманизм»). Реакционное «областничество» буржуазных писателей южных штатов.

Очерк развития американской послевоенной поэзии. ***Эми Лоуэлл*** и «имажистская» школа. Формалистические тенденции имажизма. Пессимизм ***Робинсона Джефферса***. Влияние Т.С. Элиота на новейшую американскую поэзию. Модернизм и кризис формы свободного стиха. Творчество ***Эдны Сент Винсент Миллей, Креймборга*** и др.

Творческий путь ***О'Нейля*** от социально-насыщенного психологического реализма («Маленькие пьесы», «Анна Кристи» и др.) к мистико-символической фрейдистской драме («Странная интерлюдия», «Траур к лицу Электре»). Пессимизм О'Нейля.

Писатели «потерянного поколения» и пути американской интеллигенции. Потрясения первой империалистической войны — исходная точка в творческой биографии писателей «потерянного поколения». Влияние послевоенного европейского модернизма (Джойс, Стайн, сюрреалисты). Творческий путь ***Хэмингуэя***, ***Мак Лиша, Дос Пассоса*** и развитие антикапиталистического протеста у писателей «потерянного поколения». Проблема «условий человеческого существования»[57] и кризиса искусства в буржуазном обществе как средоточие их социальных и творческих интересов. Анархо-индивидуалистические мотивы в их творчестве и «жестокая школа» (Фоукнер и др.).кризис индивидуализма в творчестве писателей «потерянного поколения». Общая связанность писателей «потерянного поколения» с буржуазной культурой.

Очерк новейшей негритянской литературы. Кризис реформистского национализма (***дю Бойс***) и творчество ***Мак Кея*** и ***Уолтера Уайта.***

57. Используется название романа А. Мальро (La Condition humaine, 1933).

Реалистические достоинства романов Мак Кея и Уайта. Расцвет негритянской лирической поэзии в творчестве ***Каунти Куллена***, ***Тумера***, ***Хьюза*** и др. Фольклорные мотивы в негритянской поэзии и борьба с «гарлемской традицией» (негритянская «экзотика», культивируемая в буржуазной литературе). Революционное направление в негритянской литературе (Хьюз, Ричард Райт). «Сын Америки» Райта как выдающееся произведение американской литературы.

Развитие революционного литературного движения в США и журнал «Новые массы». ***Майкл Голд*** – журналист и беллетрист – и борьба за сплочение прогрессивных сил в американской литературе. Рабочие-литераторы круга «Новых масс».

Мировой кризис капитализма и революционизирование американской интеллигенции. Культурная и политическая роль Джон Рид-Клубов. Интерес к философии марксизма-ленинизма и к советской культуре. Переводы произведений советской литературы в США. Влияние Горького и Маяковского на творчество молодых американских писателей. Участие американских писателей в международном движении прогрессивной интеллигенции. Большие успехи прогрессивной антикапиталистической литературы в США. (Произведения ДжозефиныХербст, Колдуэлла, Ньюхауза, Мальца, Роллинса, Сивера, Вотеля, Одетса, Аппеля, Конроя, Эрлиха и др.). «Гроздья гнева» Стейнбека. Вторая империалистическая война и сегодняшний день американской литературы. (Объем 3 ½ листа).

А. Старцев

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена.. Интервью с Абелем Старцевым Михаила Бузукашвили // Чайка. 2002. № 5 (21). – URL: http://www.chayka.org/node/3755.

"Abel' Startsev: Kontslager' za Dzheka Londona i Marka Tvena. Interv'iu s Abelem Startsevym Mikhaila Buzukashvili". *Chaika.* 2002. № 5 (21). Online at: URL: http://www.chayka.org/node/3755.

Адмони В.Г., Сильман Т.И. Мы вспоминаем. Роман. СПб: Композитор, 1993.

Admoni V.G., Sil'man T.I. *My vspominaem.* Roman. Saint-Petersburg: Kompozitor Publ., 1993.

Веселовский А.Н. Избранное: на пути к исторической поэтике. Сер. «Российские Пропилеи» / Сост., послесловие, комм. И.О. Шайтанова. М.: Автокнига, 2010.

Veselovskii A.N. *Izbrannoe: na puti k istoricheskoi poetike.* Ser. Rossiiskie Propilei. Ed. I.O. Shaitanov. Moscow: Avtokniga Publ., 2010, pp. 654-672.

Виппер Ю.Б. Вступительные замечания // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 5–12.

Vipper Yu. B. “Vstupitel’nye zamechaniia”. *Istoriia Vsemirnoi Literatury:* on 9 Vols. V. 1. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 5–12.

Гуковский Г. О стадиальности истории литературы / Подготовка текста вступ. ст., комм. Д.В. Устинов // НЛО. 2002. № 55. С. 106–131.

Gukovskii G. “O stadial’nosti istorii literatury”. Ed. D.V. Ustinov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 55, pp. 106–131.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Druzhinin P.A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental’noe issledovanie*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012.

Елистратова А. Трилогия В. Л. Паррингтона. Рец. на кн.: Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 года. Т. I—III. — М., 1962—1963.// Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1964. — Т. XXIII. Вып. 6. — С. 552—553.

Elistratova A. “Trilogiia V. L. Parringtona. Rets. na kn.: Parrington V. L. Osnovnye techeniia amerikanskoi mysli. Amerikanskaia literatura so vremeni ee vozniknoveniia do 1920 goda. T. I—III. — M., 1962—1963”. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriia literatury i iazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1964. T. XXIII. Vyp. 6, pp. 552—553.

Жирмунский В.М. Принципы и построения истории западных литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. Т. II. № 1. С. 160-165.

Zhirmunskii V.M. “Printsipy i postroeniia istorii zapadnykh literatur”. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. 1941. T. II. № 1, pp. 160–165.

Засурский Я.Н. Введение // История литературы США. М.: Наследие, 1997. Т.1 С. 5–38.

Zasurskii Ya.N. “Vvedenie”. *Istoriia literatury SShA*. Vol.1. Moscow: Nasledie Publ., 1997. pp. 5–38.

Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. Мемуарная книга. М.: Захаров, 2006.

Kirpotin V.Ia. *Rovesnik zheleznogo veka. Memuarnaia kniga*. Moscow: Zakharov Publ., 2006.

Курилов А.С. ИМЛИ и академическое литературоведение // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 140–177.

Kurilov A.S. “IMLI i akademicheskoe literaturovedenie”. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 2012. № 31, pp. 140–177.

План истории западных литератур. Т. I-III. Франция, Германия, Испания / Отв. ред. В.М. Жирмунский. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1938. – 108 С.

Plan istorii zapadnykh literatur. T. I-III: Frantzia, Germaniia, Ispania. Ed. V.M. Zhirmunsky. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1938.

Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД; Материк, 2005.

Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa TsK KPSS. 1945–1953. Eds. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow: MFD; Materik Publ., 2005.

Устинов Д.В. Научные концепции Г.А. Гуковского в контексте русской истории и культуры 20 века // Новое литературное обозрение, 1998. № 29. С. 71-83.

Ustinov D.V. “Nauchnye kontseptsii G.A. Gukovskogo v kontekste russkoi istorii i kul’tury 20 veka”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. № 29, pp. 71–83.

Яневич Н. [= Евнина Е.М.] Институт мировой литературы в 1930-е–1970-е годы // Память. Исторический сборник. Вып. 5. М.: Париж: Editions La Presse Libre, 1982. С. 92–93.

N. Yanevich (Evnina E. M.) “Institut mirovoi literatury v 1930-e-1970-e gody”. *Pamiat’. Istoricheskii sbornik*. Vyp. 5. M.oscow; Parizh: Editions La Presse Libre, 1982,pp. 92–93.

Crowe Ch. “The Emergence of Progressive History”. *Journal of the History of Ideas*. 1966. Vol. XXVII, No 1, pp. 109–124;

Hofstadter R. *The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington*. New York: Alfred A. Knopf, 1968.